ТА, ЧТО ПРАВИТ БАЛОМ

ТАТЬЯНА
ПОЛЯКОВА

авантюрный детектив

Татьяна Викторовна Полякова

Та, что правит балом

Серия «Одна против всех», книга 2

текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=133466
Т.Полякова Та, что правит балом: Эксмо; Москва; 2006
ISBN 5-699-16324-7

Аннотация

Меня по-прежнему держат на крючке… Вынуждают совершать гнусные преступления, из-за меня гибнут люди. Видит Бог, я не хочу этого. Ведь управлять мною легко – они забрали моего ребенка. Спрятали в психушке единственную подружку. Отняли вновь обретенную любовь всей моей жизни. Мой главный мучитель – Ник. Что ж, раз мне не позволено уйти или даже умереть, я затею свою игру, благо научилась управлять Ником – мерзавцем и убийцей, использовать его извращенный ум в своих целях. А цель у меня одна – месть…

Содержание

Татьяна Полякова 4
Конец ознакомительного фрагмента. 95

Татьяна Полякова
Та, что правит балом

Путь мести не всегда прямой,
И на нем немудрено заблудится.
«Kill Bill»

– Чертова погода! – злился Ник, глядя в окно.

Дождь вторые сутки лил как из ведра, однако я подозревала, что причина скверного настроения моего дорогого друга кроется вовсе не в дрянной погоде.

По большому счету, погода ему была безразлична, как и многое другое в этой жизни. Но уже несколько дней он проявлял повышенную нервозность, огрызался, злился, изводил меня придирками и хмуро таращился в окно, точно надеялся что-то там высмотреть. Может, Ник в душе романтик и желал увидеть луч света на горизонте, который вдруг мелькнет среди туч? Черт его знает. Почему бы и нет, в конце концов? Впрочем, я сильно сомневалась, что подобные чувства его посещают, но об истинной природе своего дурного настроения он не сообщит, следовательно, обращать внимание на его слова не стоит.

Именно этим я и занималась в тот момент: раскачивалась на стуле и пропускала его слова мимо ушей. Вряд ли ему это нравилось.

– Эй, – позвал он, хмуро понаблюдав за мной с минуту, – ты меня слышишь?

– Слышу. А также вижу, обоняю, восторгаюсь и люблю, – охотно ответила я, на некоторое время прекратив раскачиваться.

Он вроде бы собрался что-то ответить на это, но передумал. Покачал головой и, отвернувшись к окну, вновь пробормотал:

– Ненавижу дождь. Куда подевался твой Рахманов? – резко сменил он тему.

Я замерла, с удивлением глядя на Ника, потом вздохнула:

– Тебе лучше знать.

– Кажется, я не раз говорил: тебе стоит быть с ним поласковее. А ты что делаешь?

– А что я делаю? – решила я удивиться.

– Ни черта ты не делаешь. Парень должен по тебе с ума сходить, а вместо этого…

– Пошел к черту, Ники-бой, – с широкой улыбкой ответила я.

Еще полгода назад я бы вряд ли на такое рискнула. Было время, когда я до судорог боялась этого типа. И, если честно, у меня были на то основания. Но несколько месяцев назад Ник свалял дурака – открылся, как плохой боксер, пусть всего лишь на миг, но мне этого хватило. Так что теперь я знала: Никита Полозов вовсе не исчадие ада, воплощение вселенского зла, могущественное и непобедимое, он человек из

плоти и крови, как все мы, грешные. Опасный, хитрый, изворотливый, подлый – список можно продолжить, – но все-таки человек. У него даже есть свои слабости. Теперь я это знала наверняка и не преминула воспользоваться. Иногда мне это сходило с рук, иногда нет. Но я неустанно экспериментировала.

Через мгновение стало ясно: назвать сейчас моего друга Ники-боем – плохая идея. Он отреагировал в своей обычной манере: сделал молниеносное движение и выбил из-под меня стул. Если быть честной, я к этому подготовилась и при желании легко бы удержалась на своих двоих, но решила, что небольшая радость скрасит Нику существование, а потому повалилась на пол. Он взирал на это настороженно, должно быть, гадал, чему обязан данным фактом: своей ловкости или моей покладистости.

Я поднялась, поставила стул и сказала без злобы:

– Сукин сын, – после чего продолжила раскачиваться.

– Что-то происходит, – понаблюдав за мной немного, выдал он ценную мысль.

– Конечно, – кивнула я. – В мире всегда что-нибудь происходит.

– Ты меня достала, – поморщился он. – Состояние твоей шкуры напрямую зависит от того, что там замыслили хозяева.

С этим, конечно, глупо спорить, однако в тот момент меня мало волновало и даже, сказать по чести, мне было без-

различно, что они там затевают и как это отразится на мне. Когда человек долгие годы живет в постоянном страхе, он привыкает к нему, как инвалид к коляске. А потом вроде бы и вовсе его не чувствует. Нечто подобное произошло со мной в тот момент, когда я поняла, что спасти Машку смогу лишь ценой предательства. То есть спасти могу, но сразу же потеряю, потому что она мне это предательство вряд ли простит. Сейчас Машка находилась в психушке, совершив якобы убийство в состоянии помутненного сознания, в котором она вроде бы до сих пор пребывает. Конечно, Машка никого не убивала, но ей пришлось согласиться с правилами игры, и мне тоже. На днях ее должны перевести в клинику, где режим помягче, а я вследствие своего незавидного выбора лишилась интереса к жизни.

Хотя страх все еще присутствовал во мне, но теперь он был иного рода. Я страшилась встретиться с Машкой. Я не знала, как смогу объяснить ей свой поступок, хотя наша затея засадить хозяев Ника в тюрьму всегда казалась мне невероятно глупой. Но Машка верила, что мы сможем, а я слишком любила ее, чтобы стоять в стороне и наблюдать, как она себя губит, потому и полезла в драку, ни мгновения не веря в победу. Развязка последовала незамедлительно: Машка в психушке по обвинению в убийстве, которого не совершала, а я с удвоенным рвением танцую под дудку все тех же хозяев, чтобы ее когда-нибудь оттуда вытащить. Человека, который был единственным свидетелем давнего преступления и чье

заявление при известном везении помогло бы увидеть господина Долгих за решеткой, я сдала Нику, после чего свидетель скончался, а наши тщетные усилия оставили горечь в душе и бесполезный стыд за совершенное предательство.

Рахманов, о котором говорил Ник, – адвокат и близкий друг господина Долгих, мой любовник, что позволяло надеяться на вызволение Машки из психушки, и по этой причине я выделывала перед ним разные фокусы, вроде цирковой собачки за кусочек сахара (в роли сахара была все та же Машка). Теперь Рахманов вдруг исчез, не появлялся у меня уже несколько дней. Однако сам Ник не раз утверждал, что делать ставку на подобного типа вещь зряшная, так что не ясно, чем он сейчас недоволен.

Рахманов не только не появлялся у меня четвертые сутки, но и не звонил. Я ему тоже не звонила, по опыту зная, что это бессмысленно, но даже его внезапное охлаждение ко мне не вызвало никаких эмоций.

– Он тебе ничего не говорил? – не унимался Ник.

– Рахманов? – подняла я брови. – Конечно, нет. Иначе ты бы об этом знал.

– У них какие-то заморочки с химзаводом… – Ник поскреб затылок, с неудовольствием глядя на меня. – Эти придурки все никак не успокоятся и заваливают суд своими исками.

– Надо же людям чем-то себя занять, – пожала я плечами.

– Если бы только это… Однако нашелся полный при-

дурок, пожелавший прищемить нашим кормильцам хвост. Причем дяде это вполне по силам, по крайней мере в том, что касается конкретного дела.

– И кто у нас такой отважный? – подивилась я. Наш кормилец господин Долгих со своими дружками представлялся мне едва ли не всемогущим, и чужая глупость вызвала удивление с легким восторгом в придачу.

– Литвинов, председатель областного суда, – буркнул Ник. – Слышала о таком?

– Нет. Зачем мне?

– Если он заартачится, Долгих дело проиграет, а это колоссальные убытки.

– Сочувствую.

– Хватит кривляться, – разозлился Ник, а я вздохнула.

– Ты-то чего о чужом добре печешься? Нам что за разница, лишится он завода или нет?

– Дура, – покачал Ник головой и даже поморщился, демонстрируя печаль ввиду моей бестолковости. – Он не проиграет дело. Никогда. Он не может себе это позволить, иначе кое-кто сообразит, что время, когда он тут хозяйничал, подошло к концу.

Я перестала раскачиваться на стуле и теперь разглядывала свои ноги. Причина скверного настроения Ника стала понятна. Если все так, как он сказал, Долгих придется сломить чужое сопротивление. Надеюсь, он попытается решить проблему миром. Подкупы, взятки и прочее здесь в большом

ходу, насколько я знаю. Но если дядя всерьез заартачится? Если он действительно решил, что время таких, как Долгих, прошло, тогда… тогда с ним будет кончено, подобное Долгих тоже не раз проделывал. И тут уместно вспомнить замечание Ника о нашей шкуре. Моя его вряд ли особо интересует, но своей он, безусловно, дорожит. Предполагаемая мишень – лицо в городе далеко не последнее, следовательно, оставлять исполнителей в живых довольно глупо.

– Черт… – буркнула я.

– Вот-вот, – закивал Ник радостно, что, должно быть, относилось к моей внезапной догадливости, иного повода для радости я не видела. – И окажемся мы в ненужном месте в самое неподходящее для этого время.

– Ты просто так языком болтаешь или…

– Я догадываюсь, – перебил меня Ник язвительно. – Приказы, как известно, не обсуждают, их выполняют…

– Тогда какого черта ты нервничаешь? Если они что-то решат, мы…

– Если бы ты не была круглой дурой, твой Рахманов увидел бы в тебе девушку своей мечты, а не пушечное мясо. Ты вообще-то понимаешь, как тебе повезло, что он оказался в твоей постели?

– Если честно, особого счастья в этом не вижу, – ответила я.

Ник опять разозлился, но все-таки не удержался и хмыкнул.

– Сочувствую, однако, когда он устраивается у тебя между ног, кое-какие мысли ты бы могла донести до его сознания.

– Какие, к примеру? – проявила я любопытство.

– Что мир без тебя будет сер и уныл.

– Он легко найдет замену.

– А вот это плохо, очень плохо, – покачал Ник головой. – Ты ничего не хочешь сделать для нашей долгой счастливой жизни.

– Я буду стараться изо всех сил, – очень серьезно ответила я, ожидая, что он вновь выбьет из-под меня стул, но Ник лишь вздохнул.

– Боюсь, я зря трачу на тебя свое драгоценное время.

Он пошел к двери, и я отправилась следом, радуясь, что ему не пришла охота остаться на ночь. Впрочем, с тех пор, как Рахманов стал здесь частым гостем, Ник особенно не наглел.

Закрыв за ним входную дверь, я привалилась к стене, рядом с плакатом Че Гевары. Он смотрел с улыбкой вдаль и, должно быть, видел там светлое будущее. Жаль, не мое. Я вздохнула и спросила:

– Что скажешь, команданте?

Команданте была по фигу наша крысиная возня, он не желал отвечать, я сползла по стене, подтянула колени к животу и задумалась.

В голову лезли разные мысли, и я торопилась поведать о них Че, потому что больше некому. Я то и дело обращалась к

нему и перемежала свой монолог вопросом: «Что думаешь?» Это создавало иллюзию беседы и не позволяло бесповоротно решить, что я давно и окончательно спятила.

Занималась я этим до тех пор, пока в дверь не позвонили. Я поднялась с пола с большой неохотой, решив, что Ник надумал вернуться. На пороге стоял Рахманов с одинокой розой в руке. Его попытки придать нашим отношениям романтический характер неизменно меня умиляли.

Собравшись с силами, я изобразила бурный восторг и повисла у него на шее. Он вошел в квартиру, радостно смеясь, захлопнул дверь ногой и сообщил:

– Я соскучился.

Надеюсь, мое лицо сияло от счастья. Рахманов из тех людей, что твердо уверены: мир создан для того, чтобы они могли здесь гадить в свое удовольствие.

Глядя на этого красавца, я часто думала о том, что Господь большой шутник, раз решил явить миру подлеца в столь элегантной упаковке. От самого себя Рахманов пребывал в бесконечном восторге и часто баловал меня сентенциями, почерпнутыми у Ницше, выдавая их за свои. Подозреваю, он всерьез считал себя сверхчеловеком. Иногда я задавалась вопросом, что было бы с ним, не родись он в обеспеченной семье партийного вождя областного разлива, который, чутко уловив тенденцию, вовремя переметнулся из коммунистов в бизнесмены, оттяпав в личную собственность изрядный кусок государственной. Это позволило единственному и люби-

мому чаду взирать на окружающих с легким презрением и пользоваться благами в непоколебимой уверенности, что сие дано ему по праву. А если бы, к примеру, нелегкая занесла его в другую семейку – с папашей-алкашом и мамой-инвалидом, что тогда? Гадал бы, на что потратить последний червонец, штопал единственные носки и тянулся к знаниям? А по вечерам разгружал вагоны или торговал любовью по сходной цене? Интересно, мысль о сверхчеловеке и тогда бы посетила его или все, что наговорил чокнутый немец, показалось бы насмешкой? Впрочем, Рахманов устроился бы в любом случае. Обольстил бы богатую вдовушку, к примеру. Такие, как он, всегда устраиваются.

Мы переместились ближе к дивану, я успела пристроить розу в пустую бутылку, что позволило с двойным усердием изображать восторг. Расхожий кадр из фильмов о страстной любви: мы в обнимку на диване, он все еще в плаще и ботинках, и я торопливо помогаю ему избавиться от лишних вещей. Прерывистое дыхание, вздохи, легкое постанывание… Говорят: хорошо притворяться – значит почти любить. Мне это никогда не удавалось. Наверное, притворяюсь плохо. Хотя, судя по довольной физиономии Рахманова, этого не скажешь.

Мы пьем вино прямо из бутылки, передавая ее друг другу, сидя среди разбросанной одежды. Идею пить из горлышка когда-то подкинула я, и Рахманов стал проделывать это с та-

ким бравым видом, будто воображал, что рушит все традиции и устои, эдакий революционер, плюющий на общественное мнение. Подозреваю, он собой гордился. К моему дурному влиянию следует отнести также привычку произносить «салют» вместо «здравствуйте» и еще два десятка испанских слов, которые он употреблял зачастую не к месту, зато сразу становясь похожим на Зорро, а также восхищение Че, которое я всерьез не принимала. В Рахманове было столько же романтизма, сколько во мне иллюзий, то есть, говоря попросту, не было вовсе.

Мой любовник обладал не только потрясающей внешностью, но и безусловным шармом. И законченным придурком также не являлся, так что дамы в нем души не чаяли. Ник утверждал, что у него три или четыре любовницы, не считая меня, и девиц, что пока еще только ждали своей очереди. В общем, мне, считай, повезло, раз наш красавец обратил на меня внимание.

Рахманов сделал еще глоток, поцеловал меня и сказал с чувством:

– Обожаю тебя.

На такие заявления я никогда не реагировала. Они вроде надоевшей рекламы – ты ее слушаешь, но тебе наплевать. Уверена, он произносит свои слова не задумываясь, как я не задумываюсь, пропуская их мимо ушей.

В общем, мы идеальная пара. Рахманов иногда любит порассуждать на эту тему, хотя и мне, и ему известно доподд-

линно: он с легкостью избавится от меня в самом что ни на есть конкретном физическом смысле, если усмотрит в том выгоду. Хотя я не исключаю возможности, что немного повздыхает, произнесет что-то сентиментальное и не лишенное мудрости. И даже, может быть, начнет посещать мою могилу с красной розой в руке, сделав также визит чем-то вроде ритуала, как игра в карты по пятницам в клубе или утренняя пробежка по субботам. Дамам сей ритуал наверняка придется по душе: «Ах, он все еще оплакивает былую любовь…» Черт, куда это меня занесло с моими мыслями? Мне сейчас надлежит быть счастливой, скакать рядом резвой козочкой, заглядывая Рахманову в глаза, и таять под его нежным взором.

– Ты хмуришь лоб, – вдруг сказал он. – Неприятности?

Я торопливо растянула рот до ушей. «Неприятности бывают у людей, живущих нормальной жизнью, – хотелось ответить мне. – Вчера все было хорошо, а сегодня сломала каблук или кошелек свистнули – вот она, неприятность. Одно состояние посредством сравнения отличается от другого. Приятностей в моей жизни не было давным-давно, так что смело можно сказать, что неприятности начисто отсутствуют».

– Скучала без меня? – прошептал он мне на ухо, привлекая меня к себе.

– Конечно, – вздохнула я.

– Почему не позвонила?

– Мы это уже обсуждали.

– По-моему, твоя пресловутая скромность граничит с гордыней, – усмехнулся он.

– Помнится, ты хвалил меня за отсутствие назойливости и даже называл редкой девушкой. Надо полагать, все прочие замучили тебя звонками, так какого хрена уподобляться?

– Я улетаю на несколько дней, – серьезно заявил он.

– Далеко?

– Как сказать…

– Ясно. – Я помедлила и все-таки спросила: – Что с Машкой?

Разумеется, мне следовало печалиться, что любимый отбывает в неизвестном направлении, а не лезть с вопросами такого сорта. Но сдержаться я не могла. Против обыкновения, он не нахмурился, тем самым намекая на мою невыносимую бестактность, напротив, на его физиономии расцвела лучшая в мире улыбка.

– У меня хорошая новость, и я подумал, что ты должна услышать ее от меня. Ты знаешь, твою подругу завтра переводят в санаторий… то есть это, разумеется, не совсем санаторий… в общем, ты поняла.

– Я смогу ее увидеть? – спросила я, сглотнув подкативший к горлу ком.

– Сможешь, – вновь улыбнулся он. – Я договорился. Они остановятся в кафе на выезде из города, юго-западное направление. Кафе называется «Терек», у тебя будет минут

пятнадцать, парни не станут мешать. Примерно в 12.30 они подъедут…

– Спасибо, – пробормотала я, обнимая его, и едва не разревелась, хотя слезливости в себе ранее не замечала.

– Перестань, ты же знаешь, как много я готов для тебя сделать.

Реветь сразу расхотелось, и благодарность куда-то испарилась, потому что Машка оказалась в психушке не без его участия.

– Спасибо, – еще раз сказала я, а он посмотрел как-то странно, отвел глаза.

– Тони хотел ее видеть.

– С какой стати? – нахмурилась я. – Он ее бросил.

– Ты слишком строга к парню, – перебил Рахманов. – Он переживает. Не знаю, почему они расстались, но уверен, его вины в том нет.

На самом деле Тони бросил Машку, когда узнал, что она наркоманка. Рахманову об этом, скорее всего, известно, но если есть желание повалять дурака…

– Значит, он тоже там будет?

– Наверное. В санатории ее можно будет навещать, кажется, раз в месяц, я уточню позднее…

– Как долго она там пробудет? – спросила я, хотя знала, что вопрос этот задавать не стоило.

– Ты же понимаешь, и такое решение вопроса стоило мне немалых сил…

Разумеется, я знала. Только неизвестно, намного ли лучше тюрьмы этот санаторий, в который Машку к тому же упрячут на неопределенное время.

Ближе к полуночи Рахманов ушел, а я еще долго бродила по квартире, отмеряя нервными шагами три метра в одну сторону и пять в другую, изводя команданте бессмысленными вопросами. Иногда я вдруг замирала, уставясь в пол, и начинала что-то быстро-быстро говорить, потом вновь принималась двигаться, точно животное в клетке, которое все никак не желает смириться с очевидным фактом, что вольная жизнь в прошлом, а действительность – это узкое пространство от стены до стены. Я придумывала, что скажу Машке, нервничала, сбивалась… На самом деле я просто боялась этой встречи. Боялась увидеть в ее глазах презрение или равнодушие, что еще хуже.

– Главное, вытащить ее оттуда, – саму себя успокаивая, пробормотала я под конец, и команданте со мной согласился.

От ее красоты ничего не осталось. В первое мгновение я даже не узнала Машку, когда она вошла в кафе, затравленно оглядываясь, вздернув одно плечо, точно ожидая нападения и надеясь его избегнуть. Я сидела за столиком уже больше часа, не утерпев и явившись сюда раньше назначенного времени. В большом зале чистенького придорожного кафе я была одна, ждала, пялясь в окно, но машину все-таки проглядела, она подъехала с другой стороны. Звякнул колокольчик,

и вошла Машка – в нелепом синем платье с белым воротничком, с коротко остриженными волосами, которые торчали в разные стороны, точно у грустного клоуна. Морщины не бороздили ее лицо, хотя у висков теперь была седина, как немое свидетельство страданий, делая ее человеком без возраста. Глаза потухли, в них застыла обреченность, на похудевшем лице они казались глубокими впадинами, как будто глаз не было вовсе. Кожа бледная, бескровные губы, словно жизнь покинула ее. Такое лицо бывает у смертельно больных.

Сердце мое сжалось, и на мгновение я решила, что рухну в обморок, такой непереносимой мне показалась первая минута нашей встречи, но Машка уже увидела меня, и на блеклых губах появилось подобие улыбки. Она шла ко мне, и я поднялась ей навстречу.

– Салют, – сказала она. Нас отделяло друг от друга несколько шагов, и она торопливо отодвинула стул, села, пряча от меня взгляд, и мне ничего не осталось, как сесть напротив. – Что, скверно выгляжу? – усмехнулась она, по-прежнему не поднимая взгляда. – Это ерунда. Чувствую себя Штирлицем, – добавила она, оглядываясь. – Как называлось то кафе? «Элефант»? Капуччино здесь подают?

– Нет. Только эспрессо.

– Черный кофе вредит моему здоровью, так сказал мой эскулап, – хихикнула Машка. – Ладно, закажи чаю. И пирожных, штук пять. Надо пользоваться моментом.

Нам принесли чай с пирожными, Машка помешивала ложкой чай, все еще пряча взгляд, а я мучилась невозможностью найти нужные слова. Молчание нависло, давя на плечи, а я все никак не могла собраться с силами.

– Как ты? – неуверенно начала я.

– Нормально, – кивнула Машка. – Не смотри, что выгляжу на два с минусом, правда, нормально. Врач сказал, что я избавилась от порока и впереди у меня новая жизнь. Счастливая, разумеется. Если я буду внимать голосу разума. Так что можешь меня поздравить. Идиот, – презрительно фыркнула Машка и впервые посмотрела мне в глаза. – Рогозин жив? – спросила резко.

Рогозин – еще один мечтатель из нашей команды, хотя, работая в прокуратуре, мог бы распроститься с иллюзиями. Идея покончить с Долгих и компанией принадлежала ему, Машка поверила его разглагольствованиям, и мы затеяли игру, в которой было столько же смысла, сколько и шансов на удачу.

– Жив, – кивнула я.

– Хорошо, – подумав, ответила Машка. – Значит, разделаться с ним они не рискнули. Хорошие пирожные… Меня постоянно почему-то тянет на сладкое.

– Машка…

– Молчи, – перебила она. – Все в порядке. То есть все так, как и должно было быть. Это я во всем виновата. Я. Не вздумай винить себя. Ты с самого начала знала, что наша затея

гроша ломаного не стоит. А я возомнила себя Жанной д'Арк. А сама струсила, как только увидела того типа с «пушкой» и поняла расклад. Не вышло из меня героини. Кишка оказалась тонка. Только тебя подставила. Ты теперь небось за мою жизнь Нику по гроб обязана. Не отвечай, я и без того знаю. Обязана.

– Машка…

– Ты вот что, – вновь перебила она. – Сматывайся. Все равно куда, лишь бы подальше от них. И не думай обо мне. Ты мне не поможешь. Бесполезно. А мне легче будет.

– Зачем ты так говоришь? – нахмурилась я.

– Значит, никуда не уедешь? Зря. Со мной кончено, понимаешь? Первое, что сделаю, если вырвусь из психушки, опять подсяду на иглу. Повезет, так сдохну в расцвете лет, как многие из наших сестер и братьев. И твоя любовь меня не остановит. Ничто не остановит. Поняла? Купи еще пирожных, с собой возьму.

Я позвала официанта, и тут дверь вновь распахнулась – в кафе торопливо вошел Тони. Машка повернулась на звук колокольчика, и лицо ее исказилось, точно от страшной боли. Она испуганно провела рукой по своему лицу, волосам, посмотрела на меня, как будто ища защиты.

– Зачем? – спросила жалобно и вся съежилась, сжалась, точно кто-то невидимый наносил ей один смертельный удар за другим.

– Маша, – позвал Тони, бросаясь к ней, а она закрылась

руками и закричала:

– Пусть он уйдет. Я не хочу.

Следующие несколько минут показались мне сущим адом. Машка вопила, как безумная, официант, выпучив глаза, не знал, что делать, из кухни выскочили поварихи. Двое парней, сопровождавшие Машку, пытались ее утихомирить. Я орала на них и орала на Тони, чтобы убрался к черту, а он никого не слушал – расшвырял парней, схватил ее в охапку и прижал к себе, повторяя бессмысленно:

– Машенька… Маша… я люблю тебя…

И все вдруг разом отступили, оставив их вдвоем. И Машка вцепилась в него так, что у нее побелели пальцы, и, пряча лицо на его груди, тихонько поскуливала, а он все повторял и повторял одно и то же, все тише и спокойнее, пока она не перестала вздрагивать и не разжала пальцы. А я, стоя в трех шагах от них, вдруг поняла, что больше не нужна ей. Единственное, что ее еще связывало с этим миром, единственное, что заставляло смириться с ним, это ее любовь, которую она тщетно пыталась забыть. Мне было больно и страшно за нее, потому что в его любовь я не верила: ни тогда, ни сейчас, и боялась, что очередное разочарование, самое непереносимое разочарование раздавит ее. А потом я подумала, что это, должно быть, ревность. У меня никого нет, кроме Машки, и я вижу в Тони соперника, потому что если она и нуждается в любви, то отнюдь не в моей, и как это ни горько для меня, но нужен ей этот парень, и только он способен ее спасти. Я

отошла к стойке и заказала еще чаю.

Парни стали торопить с отъездом, и они вчетвером направились к двери к великой радости официанта и баб с кухни, что тянули шеи, боясь пропустить увлекательное зрелище. Уж какие там сериалы… Машка не оглянулась и, наверное, даже не вспомнила обо мне, а я пила чай и думала о том, что мне придется пережить и это. «Неважно, кто вытащит Машку. Главное, вытащить», – мудро рассуждала я. И пыталась смотреть на жизнь с оптимизмом. Не скажу, что мне это особенно удавалось, но я старалась.

Вернувшись в город, первым делом заехала в любимый салон-магазин и купила ей платье. Мне нравилось думать о том, что ее обрадует подарок. Машка обожала наряды. Моя суета создавала иллюзию нашей былой общности. В крайнем случае подарок ей передаст Тони, тогда она его точно примет.

Вернувшись с платьем в машину, я часа полтора сидела, тупо уставившись в лобовое стекло, пытаясь собрать по крохам свой оптимизм. Жизнь за окном представлялась нелепой и до обидного недосягаемой. В конце концов я оставила машину и бродила по городу без всякого толка и вроде бы даже без мыслей, а ближе к вечеру отправилась к Виссариону. В его кабаке было немноголюдно, что меня вполне устроило. Потом зарядил дождь, и в кафе потянулись девицы, работавшие неподалеку, – крикливые, нелепо раскрашенные, вечно раздраженные, но, как ни странно, их общество успокаива-

ло. Все просто: находясь среди проституток, я чувствовала, что бесприютность и отчаяние вовсе не что-то особенное, а обычное и вполне нормальное явление в этом мире, и я отнюдь не единственная, кто смотрит на него с позывами на рвоту, а значит, нечего переживать.

Мы пили с Виссарионом чай и болтали о погоде. Я ловила на себе его взгляды, иногда хмурые, иногда встревоженные, и упорно делала вид, что не замечаю его беспокойства. Задавать вопросы он так и не рискнул. Когда девиц собралось десятка полтора, я вспомнила, что вроде бы здесь работаю, и перебралась к роялю. Девицы примолкли, слушая Бетховена с напряженными лицами. Такие лица бывают у пассажиров в аэропорту, когда народ боится пропустить сообщение о начале регистрации. Девицы ждали с таким же нетерпением, когда я закончу играть, чтобы хоть на мгновение перевести дух. Я могла бы исполнить что-нибудь массовое для поднятия настроения, но Виссарион новации в репертуаре не приветствовал, свято веря, что классика благотворно влияет на заблудшие души.

Девки продолжали томиться, а я играть. Через полчаса самые нетерпеливые на полусогнутых и молчком, чтобы не гневить Виссариона, направились к двери, а те, что поусидчивей, задремали. На лице Виссариона блуждала загадочная улыбка, как у Моны Лизы, а я решила, что жизнь, в сущности, довольно забавна. Тут дверь распахнулась, и в кафе вошел Ник. Девицы, завидев его, нахохлились, точно пичуги

в мороз, и старались не смотреть в его сторону. Виссарион, сделав вид, что нового посетителя не замечает, уткнулся в книгу, очки съехали на кончик носа, превратив его похожим на гнома из сказки. Виссарион терпеть не мог Ника, что не удивительно, учитывая репутацию последнего. Я его, кстати, тоже терпеть не могу, но что делать.

Ник подошел к роялю, облокотился на него и уставился своими рыбьими глазами, блеклыми, точно тряпица, полинявшая от многочисленных стирок. Когда я закончила, он выпрямился и похлопал, издевательски воскликнув:

– Брависсимо!

А я поклонилась и послала ему лучистую улыбку. Разумеется, он знал, что я работаю у Виссариона, где развлекаю публику, преимущественно состоящую из шлюх, игрой на рояле, но при моем выступлении присутствовал впервые.

– Салют, – сказала он, целуя меня в лоб.

– Салют, – ответила я.

– Судя по ностальгическим нотам, что ты исторгала из инструмента, на душе у тебя паршиво.

– Я просто вошла в образ.

– Да? – хмыкнул Ник. – Наверное, я тоже в образе, чертова погода вконец доконала. Как думаешь, если напиться, жизнь покажется веселее?

– Не знаю, но можно попробовать, – пожала я плечами.

– Давай попробуем, – согласно кивнул он.

Ник огляделся, точно прикидывая, подойдет это местеч-

ко для его целей, и, к моему облегчению, решил подыскать другое.

– Потопали, – сказал весело и подмигнул.

Я пошла в подсобку за своей ветровкой, через полминуты там появился Виссарион.

– Тебе необязательно идти с ним… – сказал он, то ли задавая вопрос, то ли сам на него отвечая.

– Конечно, нет, но лучше пойти, – ответила я.

Виссарион вроде бы собирался еще что-то сказать, но передумал, я кивнула на прощание и пошла к Нику.

– Старикан меня терпеть не может, – заметил Ник, когда мы уже были на улице.

– А ты знаешь людей, которые тебя обожают? – удивилась я.

– С твоей стороны форменное свинство говорить мне это, – посетовал он. – Я тебя люблю, как свою бессмертную душу, а что имею взамен? Черствость и непонимание. Все вы, интеллигенты хреновы, не цените доброго отношения.

– Я ценю, – заверила я, оглядываясь в поисках джипа Ника. Но его нигде не было видно.

– Я пешком, – сообщил мой дорогой друг, заметив мое беспокойство.

– Шутишь? – не поверила я.

– Сегодня за долгие годы меня впервые потянуло прогуляться.

– С ума сойти. А ты зарядку по утрам не начал делать?

– Пока нет, но все неотвратимо к этому катится.

– Ну что ж, жизнь засверкает новыми гранями, – пожала я плечами. – Куда пойдем?

– Выбор за тобой, – усмехнулся он.

Разошедшийся дождь погнал нас в ближайшую пивную, где собирался всякий сброд. Приличные люди данное местечко явно стороной обходят, но мой друг чувствовал себя здесь как нельзя лучше. В отличие от Ника, мне напиться никогда не удавалось. То есть правды в ногах, конечно, не было, и голова болела нещадно, но ясность мысли не оставляла, что я считала большой личной драмой. В общем, немного поэкспериментировав, с выпивкой я завязала. То есть выпить могла, но без особого желания, раз уж не приходится рассчитывать на спасительное безумие.

Ник увлеченно вливал в себя водку и донимал меня ценными мыслями на тему смысла жизни. Все их я не раз слышала и оттого особенно не впечатлялась, поддакивала и ждала, когда Ник дойдет до того состояния, которое позволит благополучно транспортировать его домой. Обычно эта фаза наступала часа через три-четыре, но сегодня Ник проявил оригинальность и вскоре так увлекся собственными словесами, что стал забывать себе подливать. Я ерзала и думала о том, что такими темпами до нужного состояния он никогда не дойдет, а моего терпения уже кот наплакал.

Но и этого Нику показалось мало. Он принялся цепляться к придуркам, что сидели за соседним столом, – четверо

здоровяков переорали всех сидящих в зале, хотя горластых здесь было немерено. Судя по их поведению, парни Ника не знали, оттого и вступили с ним в баталию, пока в словесную. По части вывести людей из терпения Ник мастер, а эти были не из тех, кто особо терпелив, и дело уверенно шло к драке. Лично мне все равно, намнут Нику бока или нет, но парням следовало хорошо подумать, потому что по злопамятности и умению мстить долго и с удовольствием Ника тоже никто не превзошел.

Должно быть, так думала не только я. Вот бармен шмыгнул к соседнему столу и что-то зашептал на ухо одному из парней. К чести того следует сказать, что здравый смысл в нем присутствовал, и он сбавил обороты, причем и на дружков подействовал самым благотворным образом.

Но Нику уже не было удержу. Он заявил, что его девушка, то есть я, двоих таких придурков уделает на раз и прочее в том же духе, и смог-таки довести людей до белого каления. Я в перепалку не вступала, зная бессмысленность данного занятия. Если Ник что-то вбил себе в голову, избавить его от этой идеи можно только вместе с мозгами.

Я отправилась в туалет, чтобы немного посидеть в тишине, а когда вернулась, меня ждал сюрприз.

– Детка! – завопил Ник, раскинув руки. – Честное пари: мы вдвоем против этих говнюков. Покажи им, милая, что значит внутренняя свобода и твердость духа. По сравнению с этим их хреновая мускулатура…

– Какая свобода? – простонала я. – Ты просто спятил!

– Дорогая, я не могу отказаться от своих слов. Я поклялся, что мы сделаем их за один раунд. Двое против четверых.

– Придурок, – констатировала я.

– Смотри, чтобы твоя девчонка не оторвала тебе язык за болтовню, – весело пролаял бородач, а я поморщилась: ну что за черт его самого за язык тянет.

– Ну, так что, дорогая? – веселился Ник, а я повторно буркнула:

– Придурок.

Разумеется, затея представлялась идиотской: четверо здоровенных парней в противниках, хорошо, если отделаюсь незначительными увечьями. Но послать Ника подальше было бы верхом неосмотрительности – как я уже говорила, по части злопамятности он числился в непревзойденных лидерах. Кончилось тем, что я, кляня Ника на чем свет стоит, потопала вслед за ним в ближайшую подворотню, на ходу обматывая пальцы носовыми платками и салфетками, позаимствованными в кафе. В подворотню за нами отправились все обитатели пивнушки, делая ставки, и, судя по всему, в нашу победу никто не верил, что, между прочим, правильно. Спасти нас могла только внезапность, поэтому я не спускала с Ника глаз. Как только мы вошли в подворотню, он молниеносно развернулся на левой ноге, правой заехал одному из противников в голову. Я зеркально повторила то же движение, и двое наших соперников рухнули на асфальт, так и не

придя в себя до конца драки.

– Это не честно, бой еще не начался! – завопили наши оппоненты, чем очень удивили Ника.

– А кто говорил о честности? Бой без правил, а если кишка тонка, так и скажи.

Под громкое улюлюканье мы начали драку. Свою задачу я видела в следующем: измотать парня, пока Ник разделывается со своим врагом. Примерно так оно и вышло. Несмотря на хорошую выучку, пройденную у Ника, и присущую мне изворотливость, пару раз здоровяк все-таки смог достать меня, и я разозлилась. Злилась я на Ника, а досталось, разумеется, парню. Должно быть, ему нелегко было преодолеть некий барьер и обрушить на меня со всей силой кулаки-кувалды. У меня барьеров не было, оттого действовала я как машина, с завидным хладнокровием. Парень, который теперь в основном защищался, раздражал еще больше, потому что стало ясно: он не боец. А если так, то какого хрена лезешь? Особенно эффектным ударом Ник отправил своего противника в нокаут и позвал:

– Дорогая, тебе помочь?

– Обойдусь, – ответила я и обошлась. Парень рухнул на асфальт, а народ слабо зааплодировал.

Тут появилась милицейская машина, и зрители быстренько рассредоточились. Сердобольные граждане прихватили и наших противников, которые под дождем малость очухались.

– В чем дело? – гаркнул толстяк-капитан, появляясь из машины, но, узнав Ника, голос понизил.

– Ерунда, – ответил Ник, вытирая подолом рубахи разбитую рожу. – Хулиганы к девушке пристали, пришлось вмешаться.

– А-а-а… – протянул капитан в полнейшем недоумении, но поспешил оставить данную тему.

– Ну, как? – спросил Ник, когда мы двигали по улице в сторону моего дома. – Скажи, класс.

– Никита Полозов, ты придурок, – ответила я.

– Придумай что-нибудь новенькое, это я слышал раз двести.

– Ты законченный псих.

– Тоже не ново. А как насчет адреналина и прочего?

– Пошел к черту.

Ник замер, схватил меня за руку, а потом положил ладонь мне на грудь.

– Без дураков, скажи… вот здесь отпустило, ведь так?

– Когда-нибудь тебе башку оторвут, – вздохнула я.

– Вот уж тебе будет радость! – Он засмеялся, а я неожиданно подумала, что Ник прав. Стало легче дышать, а злость и ненависть к миру вдруг меня оставили. – Да ладно, – отмахнулся он. – Если б не твое упрямство, ты бы согласилась, что в хорошей драке что-то есть. В такие минуты особенно остро чувствуешь, кто твой друг. Когда мы стояли спина к спине перед лицом опасности, разве тебя не переполнял вос-

торг?

– От того, что мне сейчас нос сломают?

– От того, что твоя спина надежно прикрыта, – ответил Ник с ухмылкой, однако глаза его смотрели серьезно. – Нам следует практиковаться чаще, – весело закончил он.

Я только головой покачала. Конечно, Ник придурок, но вместе с тем было что-то в его словах, что заставляло задуматься. Может, я тоже спятила, как он?

Он взял мою ладонь в свою руку, а я сжала ее и посмотрела ему в глаза. Наверное, на самом деле все просто: он человек и он рядом, а вокруг пустыня и долгая-долгая мука, оттого, что мир не станет иным. И в этом мире мы сейчас были вдвоем, мы ненавидели друг друга, но долгие годы никого другого не было рядом, и ненависть стала мучительной и сладостной, словно любовь. И меня захлестнуло чувство общности, едва не заставив заплакать, чувство странного братства, так что на миг показалось, что нет у меня никого дороже, чем он.

– Белая горячка, – с прискорбием констатировала я.

– Ты обо мне или о себе? – весело спросил Ник.

– В комплексе.

– Что твоя Машка? – продолжил он. Вопрос мне не понравился, и я обдумывала, как бы втолковать Нику, что это не его дело. – «Я могу протянуть руку и коснуться тебя, но между нами пропасть, которую не преодолеет птица», – процитировал Ник, а я удивилась:

– Это что, стихи?

– Ага.

– Надеюсь, все-таки не твои?

– Слава богу, нет. Я увлекаюсь японской поэзией. Ну, так что, ты наконец поняла, что твоя безумная, я бы сказал – подозрительно страстная любовь к подруге не более чем иллюзия?

– Заткнулся бы ты, честное слово! – не выдержала я.

– Ты не желаешь принять очевидное. На самом деле ваши дорожки разошлись довольно давно, а ты все цепляешься за эту наркоманку из сентиментальности. А если вникнуть в суть вопроса, твоя жизнь стала бы много проще, умерь ты свои чувства. Скажешь, нет?

– Я скажу, что ты лезешь не в свое дело, – отмахнулась я.

– Ошибаешься, дорогая. Это мое дело. Мы с тобой одной крови, как в мультфильме, и я близко к сердцу принимаю твои страдания. Поэтому, увидев сегодня твою кислую физиономию со следами душевных волнений, решил: самое время помахать кулаками, чтобы расслабиться. Скажи, что я гений.

– Ты гений.

– Спасибо, – серьезно кивнул он.

Мы вошли в мою квартиру. Ник отсалютовал комданте и прошел на кухню, я слышала, как он открыл холодильник, наверное, искал спиртное. Я сняла кроссовки и, не спе-

ша, направилась к нему. Он стоял возле окна и разглядывал двор. А я вдруг поняла: что-то его очень беспокоит. И эту дурацкую драку он затеял из-за переполнявшей его тревоги. А еще из-за злости. Происходило нечто такое, во что он не мог вмешаться, и это здорово его доставало. Вспомнив наш предыдущий разговор, я решила, что Ник слишком увлекся дурными прогнозами. Тут он повернулся и сказал:

– Для тебя есть работенка.

– Да? – спросила я без выражения и устроилась за столом.

– Да, – кивнул он и отвернулся к окну.

– Для меня есть работенка, и тебе это по какой-то причине не нравится? – осторожно уточнила я.

– В самую точку, моя ласточка.

– Занятно. Если тебя бесит, что хозяева решили оставить тебя в неведении, так я здесь ни при чем.

Ник поморщился, вновь повернувшись ко мне, точно досадуя на мою тупость.

– Оставим в покое мое самолюбие и подумаем о тебе, – произнес он. – Завтра ты должна быть в аэропорту в 10.30, вот паспорт.

Ник достал из кармана документ и бросил его на стол. Я без особого любопытства открыла паспорт, увидела свое фото, а рядом стояло – Ковальчук Юлия Григорьевна. Имя оставили мое, за что им большое спасибо.

– Куда лететь?

Ник пожал плечами.

– Что, в самом деле не знаешь? – не поверила я.

– Догадываюсь. – Ник устроился на стуле по соседству и посмотрел мне в глаза. – Господин Литвинов, который словно кость в горле у наших хозяев, собирается в отпуск. Общеизвестно, что он предпочитает Черноморское побережье. – Я нахмурилась, начиная соображать. – Я должен передать тебе паспорт, а также предупредить, что в аэропорту, возле стойки регистрации рейса за номером два, тебя будет ждать твой муж. Липовый, разумеется.

– Как я его узнаю?

– Он сам тебя узнает, не переживай.

– Что ж, – развела я руками, – похоже, выбора у меня нет. Так?

– Так, – кивнул Ник с большой неохотой.

– Твои худшие опасения подтвердились? – продолжила я, чувствуя себя крайне неуютно.

– Более чем.

– А кто мой предполагаемый муж?

– Почти уверен, что Денис Миронов. Ты о нем наверняка слышала, в наших кругах его обычно называют Гадюка-Ден.

– О, черт, – буркнула я. – Откуда сведения?

– Шепнул надежный человек. Наши вели с ним переговоры. Остальное объяснять, надеюсь, не надо?

Что да, то да. Человек с таким милым прозвищем был широко известен в наших, как деликатно выразился Ник, кругах. Если сам Ник личность у нас легендарная, то Гадю-

ка-Ден по части мифов, домыслов и сплетен вполне мог с ним соперничать. Меня от знакомства с ним до сих пор бог миловал, и я им никогда не интересовалась, решив, что всякого сброда в моей жизни и без того пруд пруди. Но кое-что и до моих ушей доходило, так что теперь мысль оказаться в его компании вызывала неприятный холодок.

Где в рассказах о нем правда, а где буйная фантазия любителей страшненького, понять невозможно, однако все сходились во мнении, что Гадюка редкая сволочь. В городе он появился несколько лет назад, и похоже, что ниоткуда. Материализовался, точно злой дух. По крайней мере, все, что касалось его прежней жизни, больше напоминало сказки из разряда ужастиков. Утверждали, что он воевал то ли в составе какой-то сверхсекретной группы спецназа, то ли был наемником (вроде бы в Чечне, но поговаривали об Африке и Юго-Восточной Азии). Последнее виделось мне особенно фантастическим, впрочем, как и сверхсекретный спецназ. То ли он был киллером на службе ФСБ, то ли палачом в среде уголовников. Дикая помесь Рембо и киллера Леона. Обычно в этом месте я начинала клевать носом, так что ни одной истории с его участием сейчас вспомнить не могла.

Достоверно мне известно следующее: Гадюка-Ден (я невольно усмехнулась, мысленно произнеся это прозвище, оно казалось мне каким-то киношным, вроде Блейда или Человека-Паука), возникнув словно ниоткуда в нашем городе, открыл охранную контору. Судя по всему, она процветала.

Располагалась контора в трехэтажном здании в тихом переулке, здание принадлежало все тому же Дену, здесь он, по слухам, и жил, занимая второй этаж. Болтали о пуленепробиваемых дверях и прочей чуши. На людях он появлялся редко и, как правило, в сопровождении охранников. Умники утверждали, что на свете есть много людей, желавших похоронить Гадюку (в это я готова была поверить охотно). Что они там в своей конторе охраняли, мне неведомо, но болтали о вышибании долгов и даже наемных убийствах, причем, если верить слухам, заказы шли к нему со всего мира. Както раз, наслушавшись этой бредятины, я позволила себе заметить, что такому крутому парню просто нечего делать в нашем городе, масштабы явно не совпадают, на что мне было сказано, что Гадюка неспроста избрал местом жительства провинцию – здесь он парень без проблем, который платит налоги и налаживает охранный бизнес, а заказы предпочитает брать на стороне, вдали от городской черты. Вспомнив, что цыгане, по мнению граждан, не воруют там, где живут, я вынуждена была признать, что это разумно и даже не лишено оснований.

При описании зверств Гадюки воображение зашкаливало. Вроде бы он кому-то отрубил руку за вовремя не выплаченный долг, далее следовали выколотые глаза, вспоротые животы и прочие страсти, почерпнутые из исторических хроник времен Ивана Васильевича. Если он такой хитрец сродни цыганам, то откуда о его методах общения с клиентами

стало известно гражданам? На это мне отвечали, что слухами земля полнится, а также что шило в мешке не утаишь. Народная мудрость всегда производила впечатление, оттого прения по данному вопросу были мною односторонне прекращены.

Литвинов, как верно заметил Ник, точно кость в горле нашим хозяевам, и они ведут переговоры с Гадюкой. Суть переговоров предположить не трудно. Однако если Ден согласился, значит, болтовня о его сверхосторожности и работе только в других частях света гроша ломаного не стоит, что позволяет надеяться, что и прочее не более чем болтовня. Хотя из любого правила есть исключения, большие «бабки» способны заставить человека изменить привычки. То, что за решением волнующей их проблемы хозяева обратились к Гадюке, а не поручили дело все тому же Нику, более или менее понятно – осторожничают. Отсутствие Ника в городе в роковой день, безусловно, наведет прокуратуру на интересные мысли. И даже то, что его в известность ставить сочли необязательным, тоже куда ни шло. Но какого дьявола с этим придурком отправляют меня? Вряд ли Гадюке особенно приятно брать чужака в напарники. Или в этом есть какой-то смысл?

– Он в самом деле так прекрасен, как повествует молва? – спросила я, устав ломать голову.

– Даже более того, – серьезно ответил Ник.

По его тону я поняла: что он считает Гадюку весьма опас-

ным, что в устах такого человека все равно как высочайшая похвала. Но было и еще кое-что – ситуация ему упорно не нравилась. То, что она не нравится мне, – это понятно, но что именно томит Ника, хотелось бы знать.

– Мне слова из тебя клещами тянуть? – не выдержала я.

– Слишком сложно, – задумчиво произнес Ник. – Если только они не хотят подсунуть тебя старикану в качестве утешительного приза на склоне лет. Вдруг сердце его дрогнет, а ты своими ласками разгорячишь хладеющую кровь. Тогда логично иметь возле него человека, которым легко управлять.

– Неужто он такой идиот?

– Ты себя недооцениваешь, – усмехнулся Ник. – Второй вариант мне совсем не нравится: ты едешь в качестве прикрытия.

– И что в том плохого? – не поняла я, потому что он неожиданно замолчал в самом интересном для меня месте.

– Вопрос: как долго ты проживешь после этого, – пожал Ник плечами.

– То есть у меня хороший шанс получить билет в один конец? – усмехнулась я. Он молча кивнул. – И никаких гениальных мыслей, что мне делать в такой паршивой ситуации?

– Смотреть в оба. А там… по обстоятельствам. Кто сказал, что Гадюка оттуда вернется?

Последнее замечание вызвало легкий шок. Что это: попытка меня утешить или указание на развитие сценария?

Может, сам Ник до такого додумался, а может, хозяева подсказали, и такой итог устроит всех?

Я уставилась в глаза Ника. Очень хотелось знать, о чем он думал в ту минуту, но если глаза зеркало души, то его душа непроницаема, как глубины вселенной. Однако Ник все-таки сумел произвести впечатление, поднялся, похлопал меня по плечу и сказал:

– В конце концов, никто не мешает тебе просто смыться. Что тебя здесь держит? Если только большая любовь ко мне, но в ней я сильно сомневаюсь.

Он направился к входной двери, а я сидела, уставившись прямо перед собой. Потом все-таки вскочила и бросилась в прихожую. Он уже открывал дверь.

– Ник, – позвала я.

– Внимательно тебя слушаю, дорогая, – с улыбкой от уха до уха отозвался он.

– Я не могу бросить Машку.

– Я думал, это она тебя бросила.

– Ник…

– Радость моя, не можешь, значит, не можешь. В жизни всегда есть место подвигу. А тебя так и тянет на них. Выбор за тобой. Постарайся не разбивать мое доброе сердце. Пока, несравненная.

Он ушел.

Я немного побегала по квартире, разумеется, без всяко-

го толка, умных мыслей не прибавилось. С прискорбием поняв, что их и далее не предвидится, я отправилась к Виссариону, у него открыто до утра. Вряд ли девки мне обрадуются, классика так на них действовала, что они не чаяли от нее избавиться, и сегодня, уже помучившись, наверняка уверились, что истязания благополучно пережили. А тут вдруг меня черт второй раз приносит… Эти мысли ободрили: не одной мне страдать.

Но вновь сесть за рояль в тот вечер не довелось, правда, девицы немного выгадали, потому что Виссарион читал им вслух Флоренского. Девки сводили глаза у переносицы, но терпели, потому что дождь лил не переставая. Я пристроилась возле стойки рядом с Кармен, которая томно вздыхала, глядя на Виссариона с обожанием. Вряд ли она понимала, о чем он читает, но, безусловно, им гордилась.

Как-то в припадке любопытства я спросила Виссариона, с какой целью он затеял философские чтения, раз девки понимают одно слово из десяти, да и то по-своему, на что получила ответ: сила слова так велика, что действует благотворно независимо от понимания. Надо полагать, по его теории, умные мысли каким-то хитрым образом в головах девок откладываются, и они, несмотря на кажущуюся тупость, все равно умнеют. Я пришла в восторг от идеи и, решив проверить ее на себе, начала читать Блаватскую (дама сия всегда поражала меня способностью заморочить голову бедолагам вроде меня, да так, что даже знакомые слова перестаешь узна-

вать). Борясь с бессонницей, я освоила два тома ее трудов и с прискорбием вынуждена констатировать, что умнее не стала. Должно быть, я еще бестолковее девок.

Флоренского я слушала с удовольствием, потому что изъяснялся он языком понятным, и идеи мне казались вполне здравыми. Таковыми они, безусловно, казались и Виссариону, потому что он чрезвычайно увлекся, исчерпав лимит терпения слушательниц. Не знаю, как долго он бы продолжал, если бы голова одной из заснувших девок с громким стуком не рухнула на стол, причем сама деваха даже не проснулась. Народ издал стон сочувствия и с безмолвной мольбой уставился на хозяина.

– То-то, дуры, – изрек Виссарион, снимая очки и закрывая том с золотым тиснением. И взглянул на меня, точно спрашивая: буду ли я играть. Я решила, что девкам и без того здорово досталось, и отрицательно покачала головой. Девки потянулись к стойке выпить по маленькой, а Виссарион, снабдив страждущих целебной жидкостью, заварил чай и перебрался ко мне.

– Виссарион, – жалобно начала я. – Мне уехать надо, так что несколько дней работать не смогу.

Он нахмурился, но вряд ли особо переживая из-за моих предполагаемых прогулов – работала я за кормежку, но повариха Наталья стряпала так скверно, что я ограничивалась чаем. Недовольство Виссариона возникло потому, что он подозревал: отлучка, скорее всего, связана с некими де-

лами, знать о которых мой работодатель ничего не хотел, но, безусловно, догадывался. Он и сейчас ни о чем не спросил, лишь мрачно кивнул, соглашаясь. И вдруг удивил.

– Будь осторожна. – Я подняла брови, а он пожал плечами: – Мало ли что…

Ник мне советует смотреть в оба, Виссарион предостерегает, только от их слов мало пользы. Перспектива, нарисованная Ником, откровенно пугала, оставалось уповать на то, что мне повезет. К примеру, господин Литвинов окажется дядей сговорчивым, и я смогу вернуться.

– Что, плохи дела? – неожиданно спросил Виссарион. Я пожала плечами.

– Бывало и хуже. Но редко.

– У меня есть приятель, – продолжил Виссарион. – Мужик он не простой, но положиться на него можно. С документами вопрос решит, и место найдет надежное на первое время…

– Машка, – вздохнула я, уверенная, что он поймет правильно. Он понял. Кивнул и замолчал. А я похлопала его по морщинистой руке и сказала: – Спасибо. – Он вновь кивнул.

Тут в кафе вломился здоровый детина с гнусного вида физиономией и принялся орать на девок.

– Ты дома у себя ори, – сурово одернул его Виссарион. – Пришел в кафе, так что-нибудь заказывай.

– Кафе! – взвился парень. – Я вашу лавочку прикрою!

Он собрался что-то добавить, но после непродолжительной душевной борьбы решил промолчать. Зыркнул на девок

и поспешно удалился, громко хлопнув дверью. Девки тут же потянулись к выходу.

– И в самом деле засиделись, – вздохнула Кармен, поднимаясь. – Погода погодой, а работать надо.

Через несколько минут мы с Виссарионом остались одни. Я решила, что мне тоже пора, вымыла посуду и отправилась домой. Перед моим уходом Виссарион, смущенно кашлянув, меня перекрестил.

– Это вроде благословения? – усмехнулась я и покачала головой. – Спятил.

– Господь сам разберется, что к чему, а о заступничестве его просить никому не возбраняется.

– Ну, если так… – пожала я плечами и поспешила уйти.

Дома я завела будильник, не очень рассчитывая, что усну, но отключилась сразу. Глаза открыла за пять минут до того, как будильник зазвонил. На сборы ушло довольно много времени – женщина с легкой сумкой вместо багажа вызовет подозрение, поэтому я достала чемодан и набросала в него с десяток платьев, почти все – подарки Машки. На меня вдруг навалилась тоска, и я долго сидела на диване, таращась на разноцветные тряпки. Потом взглянула на часы и вызвала такси.

В зал ожидания я вошла ровно в 10.30 и направилась к стойке регистрации. Народ сновал туда-сюда, я катила свой чемодан, стараясь представить, как пройдет встреча с моим

предполагаемым мужем. Я понятия не имела, как он выглядит, оставалось уповать на то, что он меня не проглядит.

В паре метров от стойки под номером 2 я, обнаружив свободное место, замерла и тут увидела его. Рослый парень со светло-пепельными волосами читал газету, привалившись к колонне. Я поняла, что он и есть мой муженек. Наверное, просто сработала интуиция, потому что на первый взгляд в нем не было ничего зловещего.

Тут он поднял взгляд от газеты, сунул ее в карман спортивной сумки и направился ко мне. Теперь уже не было сомнений – это Гадюка, а также понятно, почему он заработал такое милое прозвище: подобного взгляда мне еще видеть не приходилось. Актеры, изображавшие маньяков в фильмах, иногда очень убедительны, но и лучшим из них до парня, приближавшегося ко мне, было далеко. Впечатление произвел не только взгляд. Вся его фигура, манера двигаться, держать голову вызывали легкий трепет, как при встрече с хищником, когда не знаешь, что разумнее: замереть на месте или бежать сломя голову. Он пугал и завораживал одновременно, точно динозавр в фильме Спилберга. Казалось, стоит ему развернуть плечи, и все здесь начнет крошиться и рушиться. Странное дело, при этом создавалось впечатление, что двигается он плавно, даже грациозно, хотя это была грация хищника: один бросок, и считай себя покойником. «Приятный парень», – мысленно скривилась я, делая вид, что не обращаю на него внимания. Когда он был в нескольких шагах

от меня, я попробовала взглянуть на него твердо и прямо, но мой взгляд ушел в сторону, точно сломался, как ломается сосулька, упав на асфальт.

– Привет, милая, – сказал он, широко улыбаясь. Улыбка была лучезарной, но этим он обязан только своему дантисту. Глаза продолжали смотреть холодно и презрительно, а вот голос меня поразил, он был тихим и вкрадчивым, он проникал в душу, от чего на душе становилось холодно, точно там поселилась змея, свернувшись кольцами. Лишний повод заподозрить, что свое прозвище парень получил не зря.

– Салют, – ответила я и попыталась выжать из себя улыбку, раз уж у меня встреча с мужем. Надо полагать, любимым.

Улыбка вышла так себе, и взгляд я упорно отводила. Как ни странно, Гадюка решил, что это из-за смущения (впоследствии выяснилось, что он мнил себя неотразимым), он обнял меня и запечатлел на моих устах пламенный поцелуй, причем увлекся.

– Может, побережем себя для более благодарной аудитории? – предложила я, отстраняясь.

Он усмехнулся, подхватил мой чемодан, и мы направились к стойке. Вопросов я не задавала, даже когда после прилета в Москву он вручил мне новый паспорт с другой фамилией. Мы стали ждать регистрацию на рейс в Санкт-Петербург. В Питере мы, скорее всего, вновь поменяем фамилии и уже тогда направимся в конечную точку маршрута, хотя, может, после Питера будут еще перелеты. Такая предосторож-

ность была мне вполне понятна, и возможные долгие метания по воздушным пространствам страны не раздражали.

Ожидание Ден решил скрасить выпивкой и пошел в бар, я от предложения отказалась, чем вызвала очередную усмешку.

– А ты не любопытна, – сказал он мне в самолете.

– Нет, – ответила я.

– Что?

– Я не любопытна.

– И чересчур серьезна, – хихикнул он. – Я бы не отказался от более веселой спутницы.

– Я непременно развеселюсь, как только найду повод.

– Ну-ну… – внимательно посмотрев на меня, сказал он, в глазах мелькнуло нечто похожее на угрозу.

Я отвернулась к окну, а Ден уткнулся в журнал, и перелет прошел в молчании.

В Питере нас встретил тип с бородкой, которая мне показалась такой же фальшивой, как и его восторг при виде нас. Он пожал руку Дену и обнял меня, изображая встречу то ли близких родственников, то ли друзей. Я не очень понимала, зачем они разыгрывают эти сцены, и злилась, но старательно улыбалась в ответ.

Меня отправили в бар, а мужчины минут двадцать разговаривали, прогуливаясь на улице.

– Наш самолет через час, – сообщил Ден, вернувшись. – Лучше поторопиться.

Новый перелет получился самым коротким, потому что я почти сразу уснула – ничего удивительного, если учесть, что ночью сон от меня, как правило, бежит, а день сегодня выдался утомительный. Ден разбудил меня, когда мы пошли на посадку.

То, что господин Литвинов (если Ник ничего не напутал, и мы здесь из-за него) предпочитает отдыхать на юге России, слегка удивило. По моим представлениям, люди с деньгами облюбовали европейские курорты или, на худой конец, Турцию. Должно быть, дядя консервативен.

Ден подозвал такси и сообщил название отеля. Добирались мы до него больше часа, но, войдя в холл, я поняла, что Литвинов не дурак и хорошо знает, где стоит отдыхать.

Нас встретили с таким радушием, точно мы особы королевской крови. Впрочем, когда я узнала, сколько стоят наши апартаменты, повышенное внимание перестало удивлять. Номер потряс величиной и обилием позолоты, у дизайнера были свои представления о прекрасном, и с этим приходилось мириться. В спальне огромная кровать с кожаной спинкой наводила на греховные мысли, физиономию Дена украсила ухмылка, и я поняла, что грядут тяжелые времена.

– Поужинаем в ресторане или закажем ужин сюда? – спросил он.

– Я не голодна.

– Дорогая, тебе, как моей супруге, следовало бы быть поласковее.

– Мы сейчас одни.

– Входи в образ, – хихикнул он.

– Хорошо, идем в ресторан.

Я отправилась в ванную. Замок на двери отсутствовал, что настроения не прибавило, очень может быть, неприятности начнутся прямо сейчас. Однако душ я смогла принять спокойно, накинула халат и прошла в спальню. Ден в гостиной пялился в телевизор.

– Ты закончила? – крикнул он, услышав мои шаги.

– Да.

– Я буду готов через двадцать минут. – И удалился в ванную, а я развесила платья в гардеробе, выбрала черное с красными розами и занялась прической.

Ровно через двадцать минут Ден появился в спальне, одетый в светлые брюки и рубашку в обтяжку. Волосы зачесаны назад, вид прямо-таки голливудский.

– Как я тебе? – спросил он. – Похож на молодожена?

– Ты восхитителен.

– Ты тоже ничего, – хмыкнул он.

Пахло от него дорогим одеколоном, но по неведомой причине это раздражало. Впрочем, в Гадюке раздражало все.

– Мы идем? – спросила я. Хотелось скорее оказаться на людях, присутствие «супруга» с каждой минутой становилось переносить все труднее.

– Прошу, – издевательски поклонился он, распахивая передо мной дверь.

В отеле насчитывалось не больше сотни номеров, очень уютный, с прекрасно оформленной территорией, он вполне мог соперничать с заграничными пятизвездочными отелями. Ресторан был небольшим, но позолоты и здесь в избытке. Молодой мужчина в очках сидел за роялем, играл что-то сентиментальное, публика выглядела вполне демократично, мужчин в костюмах я не заметила, правда, женщины сверкали бриллиантами и обнаженными плечами. На нас обратили внимание, должно быть, новички вызывали здесь интерес.

Метрдотель подскочил к нам и повел к столику, зажег свечу, не забывая расхваливать кухню, погоду и наш вкус, раз мы выбрали этот отель. Тут же подскочил официант, и я уткнулась в меню, что позволяло ничего не отвечать на досужую болтовню, а Ден болтал охотно, проявляя ко всему живейшее любопытство. Когда оба, и метрдотель, и официант, наконец-то удалились, он сказал с акульей улыбкой:

– Дорогая, ты не похожа на счастливую супругу преуспевающего бизнесмена. Напрягись, у меня нет желания трудиться за двоих.

– Просто я немного устала, – дипломатично ответила я, пожимая плечами.

Нам принесли вино и закуску, мы выпили за приезд и успех в наших делах, как выразился Ден.

– Кстати, о делах, – решив, что момент вполне подходящий, заметила я. – Могу я узнать, зачем мы здесь?

– Тебе не объяснили? – без удивления спросил он.

– Мне сказали, что в курс дела введешь меня ты.

– Что ж, – кивнул он. – Работенка не пыльная. Мы ожидаем приезда одного типа. Тебе надлежит его обаять. Приедет он один, а в таком месте, как это, познакомиться нетрудно. Надеюсь, как тебе действовать, объяснять не придется. Меня заверили, ты здорово поднаторела в таких делах.

– Реклама, – усмехнулась я.

– Да? Хотелось бы верить, что рекламируемый твоими хозяевами товар чего-то стоит. Пока у меня в этом сомнения.

– Я справлюсь, – утешила я.

– Отлично. Итак, ты должна его обаять до грехопадения, момент которого нам надо зафиксировать. Техническая сторона, конечно, на мне, твое дело уложить дядю в постель.

– И все? – выждав, спросила я.

– А что еще? – с притворным удивлением развел руками Ден.

– Значит, наша цель компромат?

– Пока достаточно и этого. Там посмотрим. Уверен, он окажется благоразумным человеком. Как видишь, дельце пустяковое. Можно рассматривать поездку сюда как внеплановый отпуск за чужой счет. Купайся, загорай, в общем, наслаждайся жизнью.

– С утра начну, – кивнула я.

– Дорогая, – посверлив меня взглядом, заговорил он. – Я знаю, что тебя трахает Рахманов, но, должно быть, ты по этой причине вообразила, что чего-то значишь в жизни. Так

вот: для меня ты даже меньше, чем ничто. Усвоила?

– Разумеется, – кивнула я.

– Непохоже, – продолжил он. – Помни: ты обычная шлюха.

– Я просто вошла в образ счастливой новобрачной, – вздохнула я. – Но если тебе не нравится, быстро выйду.

– Мне не нравится твой взгляд, твои манеры и твои слова. Но я переживу, пока они не сказываются на деле.

– Спасибо, что все мне объяснил, – кивнула я. – Дело есть дело, и я приложу все свои силы, чтобы выполнить его с блеском.

– Повеселись немного, дорогая, я не против.

– Я говорю совершенно серьезно, ты неверно истолковал мои слова, – со вздохом заметила я. Ссориться с этим сукиным сыном не хотелось, по крайней мере сейчас.

– Я вообще великий путаник, – усмехнулся он, с интересом поглядывая на меня. Интерес был такого свойства, что особо не порадовал: точно он наблюдал за мухой, прикидывая: прихлопнуть ее сейчас или дать ей возможность немножко полетать.

– Выпьем? – предложила я.

– Конечно.

Мы выпили, и я попыталась наладить разговор, в основном строила планы на завтрашний день.

– Приезд интересующего нас человека ожидается на днях, – сообщил Ден. – До той поры нам надлежит всех здесь

обаять, расположить к себе. В общем, стать своими людьми. Придется больше бывать на людях, так что позаботься о том, чтобы счастливая улыбка не покидала твоих прекрасных уст.

В целом ужин не порадовал, может, из-за усталости, а может, из-за трудно сдерживаемого раздражения, которое вызывал у меня этот тип. Он допил бутылку и теперь поглядывал на меня, прикидывая, с чего следует начать наше более близкое знакомство. В общем, входил в образ супруга, так что предполагаемые испытания грядут, лишь только мы окажемся в номере.

Так и вышло. Едва мы вступили в холл, как он сгреб меня за плечи и незамысловато сообщил, что мне надлежит сделать.

– Момент, – сказала я, отступая на пару шагов. – Я готова сделать все, что ты скажешь, для того чтобы с максимальным успехом выполнить задание, но ублажать тебя в мои обязанности не входит.

Физиономия его побледнела от злости, он тоже отступил на шаг, точно готовясь к прыжку с разбега, верхняя губа презрительно вздернулась, и на без того скверной физиономии появилась уродливая гримаса. Слова он произнес тихо, медленно и с нажимом.

– Ты будешь делать то, что я тебе скажу. Поняла, тварь?

– Отлично. – Я прошла к телефону и стала набирать номер.

– Куда ты звонишь? – вроде бы удивился он.

– Своим хозяевам. Если они подтвердят…

Договорить я не успела, он выбил из моих рук трубку и схватил меня за волосы.

– Ты у меня… – зашипел он мне в ухо, и мне стало ясно, что на добрые отношения между нами рассчитывать не приходится, так что особо напрягаться не стоит.

– Пусти, – сказала я. – Пусти, не то начну орать. Молодожены, бывает, тоже скандалят.

Он все еще держал меня за волосы, запрокинул мне голову, причиняя боль и вынуждая опуститься на колени.

– Не воображай себя человеком, шлюшка, – ухмыльнулся он. – Даже не мечтай. Знай свое место.

Он на мгновение ослабил хватку, и этого мне было достаточно, все-таки Ник не зря тратил на меня свое драгоценное время. Ден отлетел в сторону, не удержался на ногах и грохнулся на ковер, в лице его читалось изумление. Оно, конечно, быстро пройдет, и мало мне не покажется. Я смогла проделать такое только потому, что подобной прыти он от меня не ожидал.

Несмотря на мысль о близкой расплате, я едва удержалась от смеха, так забавно выглядел «молодожен», сидя на полу раскорякой и таращась на меня. Я опустилась в кресло, Ден наконец пришел в себя и поднялся. Теперь физиономия его была багровой, он не скрывал бешенства, к которому примешался стыд. Самый взрывоопасный коктейль.

– Значит, так, – вздохнула я. – Не сомневаюсь, что ты в

пять минут способен наглядно мне объяснить, кто здесь диктует условия. И в том, что я стану любить тебя с большим трепетом ночи напролет, тоже не сомневаюсь. Но когда ты уснешь, а люди, даже если они такие крутые парни, как ты, иногда все-таки спят, я перережу тебе горло, чем, безусловно, поставлю под удар всю операцию, за которую, кстати, отвечаешь ты.

Он прошел к бару, налил себе какого-то пойла и выпил, стоя ко мне спиной. Потом повернулся и вдруг захохотал.

– А знаешь, ты мне нравишься, – заявил он, вволю насмеявшись.

Я ни на мгновение ему не поверила. Такие, как он, унижения не прощают, и его заявление – не более чем хорошая мина при плохой игре, и взгляд, которому Ден силился придать веселость, только подтвердил мое мнение. Мне было абсолютно ясно: я приобрела заклятого врага, которому мало просто оторвать мне голову, он будет это делать с наслаждением, которое, безусловно, пожелает продлить.

Но в тот момент я хотела лишь одного: чтобы он оставил меня в покое, и тоже включилась в игру под названием «мы друг друга понимаем и даже уважаем». Если учесть, что возможность вернуться домой живой с самого начала была под вопросом, выходило, что не так много я и потеряла, дав волю эмоциям.

– Извини, – с покаянным видом буркнула я.

– Брось, все в порядке. Сам напросился, – продолжил раз-

глагольствовать он. – Я не привык, чтобы мне отказывали, вот и понервничал немного. Но дело прежде всего, – выдал он очередную улыбку.

Я не верила ни его улыбке, ни его словам. Впрочем, он не особенно старался сделать так, чтобы я поверила.

– Где ты ляжешь? – решила я сменить тему. Он с некоторым удивлением перевел взгляд на кровать, а я кивнула: – Хорошо, я лягу в гостиной на диване.

– Что ты! – ужаснулся он. – Это не по-джентльменски. На диване прекрасно устроюсь я.

Я прошла в спальню, вынесла ему подушку с одеялом и немного постояла возле окна. В том, что он переживет недавнее унижение, не пожелав отыграться, я сомневалась, хотя, возможно, он отложит месть до окончания того дела, что привело нас сюда, но может и поторопиться. Такие типы чрезвычайно мстительны и нетерпеливы, правда, умные люди утверждают, что месть – то самое блюдо, которое следует есть холодным. В общем, я не особенно рассчитывала, что ночь пройдет спокойно. Расположение комнат в номере было для меня самым неудобным: в ванную вели две двери, одна из спальни, другая из холла. Замки отсутствовали. Я решила забаррикадироваться в спальне. К двери в ванную я подтащила стул, а к двери в гостиную банкетку – по крайней мере, бесшумно войти ему не удастся. Оглядев комнату и поморщившись из-за переполнявших меня невеселых мыслей, я легла, натянула одеяло до подбородка и закрыла глаза.

Какое-то время Ден бродил в гостиной, что-то насвистывая, потом щелкнул выключатель, и все стихло. Должно быть, он улегся на диване. Бессонница давно стала моей ночной спутницей, и я приготовилась таращиться в потолок, но в этот раз все было по-другому. Кажется, я уснула почти мгновенно.

Открыв глаза, я обнаружила, что спальню заливает солнечный свет. Набросила халат и подошла к окну: отсюда был виден кусочек моря, между зарослей роз туда вели тропинки, вымощенные серым камнем. Я невольно улыбнулась, и тут услышала:

– Дорогая, ты уже проснулась?

– Да, дорогой, – буркнула я так, чтобы он не услышал, и ответила громче: – Доброе утро. – Потом пошла в ванную, умылась и вдруг задержала взгляд на своей физиономии. Я редко смотрю на себя в зеркало, и когда это случается, у меня возникает чувство странной досады и мелькает мысль вроде «опять на глаза попалась». Я как будто стыдилась своего лица, а теперь оно вызвало удивление. Красивое лицо, которое могло принадлежать успешной женщине, у которой есть возлюбленный, обычная жизнь, есть радости… которая может улыбаться вполне искренне, в общем, ничего общего с действительностью. Наверное, по этой причине я и воспринимала свое лицо как нечто чужеродное, как маску, которую носила не снимая. Она не мешала, но вместе с тем тревожила, потому что я понятия не имела, каково мое истинное ли-

цо. Может быть, встав однажды возле зеркала и увидев что-то сморщенно-разбитое и кое-как склеенное, я бы порадовалась, что вот, мол, есть настоящая «я», и, возможно, заскучала бы по маске, но теперь беспокойство нарастало, словно настоящего «я» не существовало вовсе. Никогда, нигде.

– Такие мысли до добра не доведут, – произнесла я с печалью. Лицо красавицы в зеркале приняло сочувственное выражение. – Эй, ты кто? – спросила я и даже зачем-то протянула руку. То, что пальцы уперлись в стеклянную поверхность, лишь убедило меня в том, что я сама и весь этот мир не настоящие. – Выдумки шизофреника, – опять буркнула я, сама не зная, что имела в виду: мир или собственные мысли. Я собрала волосы в пучок и покинула ванную.

Дверь на огромную лоджию была распахнута, Ден в белом махровом халате устроился в кресле за стеклянным столиком, вытянув голые ноги на банкетку, читал газету, прихлебывал кофе из фарфоровой чашки, которая в его руке казалась несуразно маленькой.

Услышав шум за своей спиной, он повернулся, выдал свою суперулыбку и сказал:

– Ты потрясающе выглядишь. – Затем поднялся, аккуратно сложив газету, и шагнул мне навстречу, поцеловал меня в щеку, слегка обняв, и заговорил: – Я распорядился, чтобы завтрак принесли в номер. Я не знаю твои вкусы и…

– Я все съем с благодарностью, – заверила я, опускаясь в кресло. Вид отсюда открывался потрясающий, я невольно

залюбовалась им.

– Сразу после завтрака можем пойти на море, – продолжил Ден. – Ты не против?

– Конечно, нет.

Его стремление изображать из себя счастливого супруга слегка удивляло. В основном потому, что в голову не приходила причина, по которой он это делает. На людях понятно, но когда мы вдвоем… То, что он пытается загладить вчерашний инцидент, мне представлялось абсолютно нереальным. Значит, либо притупляет мою бдительность, либо просто дурака валяет, причем последнее казалось мне вероятнее, хотя в лице Дена не читалось и намека на насмешку.

В дверь номера постучали, и появился официант. Ден решил завтракать на лоджии, против чего я не возражала. Поесть он любил. Методично двигал челюстями и теперь вновь напоминал динозавра. Машина для убийства, которая решила подзаправиться. У меня и так с аппетитом проблемы, а тут он и вовсе пропал.

– Ты ничего не ешь, – попенял мне Ден.

– Не хочется.

– Да? Надеюсь, это не я тебе аппетит порчу, – хмыкнул он.

«Ясновидящий», – мысленно скривилась я.

– Кстати, баррикады ты строишь совершенно напрасно, я не посягну на твою честь.

– Серьезно? – не удержалась я. – Вчера у меня сложилось другое мнение.

– Я предлагаю свою дружбу только раз, – улыбнулся он и, несмотря на улыбку, на его вкрадчивый голос, в нем чувствовалась угроза.

– Это мало походило на предложение дружбы, – удивилась я.

Он усмехнулся.

– Да? А ты привыкла, чтобы перед тобой на коленях стояли?

– Нет, не привыкла, – покачала я головой. – Желающих маловато.

– Чего ты выеживаешься? – нараспев сказал он и неожиданно ударил меня по губам, ударил вроде бы легко, но я едва удержалась в кресле. – Ты сама сказала, между супругами такое бывает, – засмеялся он. – Так что если немного походишь с разбитой рожей, ничего страшного.

– А ты нетерпелив, – усмехнулась я. – Не очень хорошее качество для человека твоей профессии.

– А ты чересчур независима для шлюхи, – отрезал он. – Мало учили?

– Достаточно.

– Ты так ничего не поняла, – посетовал он, а я сочла за благо заткнуться.

Через полчаса мы покинули номер. Я слегка припудрила разбитую губу, Ден наблюдал за моими действиями с паршивой улыбкой. На пляже мы пробыли часов до двенадцати, потом перебрались к бассейну.

– Тебе стоит завязать знакомства с дамами, – заметил Ден. – Начинай работать, дорогая.

Он заказал себе пива и устроился с газетой под полосатым зонтиком, а я решила поплавать в бассейне. На веранде стареющая дама в черном купальнике с блестками сидела в компании парня-латиноса лет двадцати пяти, с натянутыми улыбками они скандалили на дикой смеси английского и испанского. Парень собирался вечером в клуб, а дама выговаривала ему за какую-то блондинку и проигрыш в казино. В лице парня наметилась меланхолия.

– Пошла ты к черту, – незамысловато ответил он.

Рука ее дернулась, я решила, что она сейчас швырнет в него бокал, но обошлось.

– Скотина неблагодарная, – прошипела женщина, а парень поднялся и пошел в бар.

Я отправилась следом, бармен не знал ни испанского, ни английского, впрочем, знатоком русского языка, скорее всего, тоже не был, латинос пытался втолковать ему, что надо смешать в шейкере, полагаясь в основном на жесты.

– Вам помочь? – спросила я по-испански.

– О-о… – парень изобразил большую радость, а его дама, наблюдая за нами, заметно напряглась…

Вопрос с коктейлем был решен быстро, но уходить парень не спешил, устроился рядом со мной. Я заказала зеленый чай.

– Меня зовут Диего, – сообщил парень. – А вас?

– Юля.

– Сегодня приехали?

– Вчера, поздно вечером.

– Дорогой, принеси мне кофе, – заголосила дама.

– Извините, – пробормотал Диего и покраснел, что слегка удивило.

Взяв свою чашку, я пошла к Дену, чтобы дамочка успокоилась.

– А ты забавная шлюха, – хихикнул он, оторвавшись от газеты. И вдруг перешел на испанский: – Откуда знаешь язык? В школе его вроде бы не преподают.

– По самоучителю, – усмехнулась я. – Было много свободного времени. В школе я учила английский.

Он тут же перешел на английский, причем говорил свободно и без акцента.

– И как успехи?

– Не жалуюсь.

– Талантливая девочка. Твой папаша вроде бы профессор?

– Профессор.

– Как же тебя угораздило, дорогуша?

– Дурная наследственность. Моя прабабка сбежала с карточным шулером, вот и меня вечно тянет на всякое дерьмо. Можно вопрос?

– Валяй.

– Ты меня экзаменуешь или сам выпендриваешься?

Он заметно помрачнел.

– Почему бы тебе не найти своему язычку другое применение?

– Я брезглива.

– Это поправимо. В хороших руках ты быстро исправишься.

Вообще-то мне неплохо жилось здесь. Можно было часами лежать на раскаленном песке пляжа, прогреваясь насквозь: сверху солнцем, а снизу жаром песка. Со дня на день должен был появиться нужный нам человек, но мне не хотелось об этом думать. И я до боли в глазах смотрела на море, на ярко-синее небо, зарывала ладони в песок и улыбалась без мыслей. Беспокоил меня только Ден, но с того первого дня он не проявлял ко мне особого интереса. К тому же мы не так часто бывали наедине. Вернувшись в номер, я сразу же проходила в спальню, буркнув «салют».

Безделье и неумеренное употребление спиртного делали людей разговорчивее и доступнее, в отеле все перезнакомились и жили «своей компанией», то есть надоедали друг другу с утра до вечера. Но иначе эти люди не могли. К полудню все собирались на веранде ресторана и обсуждали предстоящий вечер. Я участвовала во всех развлечениях по двум причинам: во-первых, этого требовал Ден, во-вторых, это избавляло от необходимости бывать с ним наедине. Развлечения мелькали одно за другим, как в калейдоскопе. В компании

царила демократия, чтобы стать «своим», достаточно было одного: иметь деньги, а люди без денег здесь не селились.

Диего всерьез решил за мной приударить. По крайней мере, постоянно вертелся рядом, а его дама (звали ее Анастасией, хотя она предпочитала отзываться на Настеньку, что было смешно и одновременно грустно) особенно мне досаждала, хватала за руку и щебетала:

– Ах, милочка, как ты, должно быть, счастлива, у тебя такой прекрасный муж.

Сама она была вдовой. Муж скончался год назад, оставив ей то ли нефтяную вышку, то ли золотой прииск, в общем, на жизнь ей хватало. Она испытывала страсть к молодым жгучим брюнетам, подбирая их в основном в стриптиз-клубах, второй ее страстью были истерики. Без них не обходился ни один вечер, они стали неотъемлемой частью развлечений, за ужином даже заключали пари: начнет Настя скандалить прямо в ресторане или дотерпит до танцев?

Диего пользовался всеобщей любовью за веселый нрав, услужливость и способность танцевать ночи напролет. Он приглашал всех дам по очереди, что позволяло мужьям спокойно выпить, Анастасия при этом возбуждалась, лезла на стол показывать стриптиз или ныряла в бассейн в вечернем платье. Я как-то решила, что, когда дама покинет отель, он много потеряет: никакая анимационная программа не шла в сравнение с номерами этой любительницы.

На публике Ден, то есть, конечно, Денис, был ко мне вни-

мателен и насмешливо нежен, что как нельзя больше подходило нашей легенде – мы представлялись как бизнесмен из Санкт-Петербурга и его супруга-домохозяйка. Но стоило нам оказаться вдвоем, как он становился молчаливым, говорил если не грубо, то отчужденно и резко, что меня, естественно, не удивляло. Исподволь мы следили друг за другом. Иногда я ловила на себе его взгляд, который казался мне странным, поскольку в нем угадывалось едва ли не восхищение, что было неправдоподобным, и потому я отнесла это смущение на счет развивающейся у меня шизофрении. Конечно, он видел, как на меня реагируют мужчины – оборачиваются, когда я прохожу мимо, а разговаривая со мной, слащаво улыбаются и жадно прицениваются к моему телу, – но вряд ли это производило на него особое впечатление, потому что Ден прекрасно знал: я здесь как раз затем, чтобы обольщать, в общем, выполняю свою работу. Он был уверен, что это игра, а мужчины вроде него никогда не попадают на крючок профессионалкам, потому что очень хорошо осведомлены об изнанке жизни. Злость, что я его отвергла, не только не утихла, но становилась сильнее. Ему, привыкшему к победам, было непонятно, с какой стати я ломаюсь, ведь, с его точки зрения, лечь с кем-то в постель для меня так же естественно и просто, как ему выпить бокал красного за ужином. Боюсь, что мое нежелание кинуться в его объятия навело моего «супруга» на неприятные мысли, что дело вовсе не во мне, а в нем. Если распоследняя шлюха тебе от-

казывает, кем же, черт возьми, она тебя считает? Что-то он чувствовал, не умея ни объяснить, ни понять, в чем дело.

– Ваша жена грациозна, – однажды сказала ему Анастасия.

По неизвестной причине все женщины обращались к нему на «вы», хотя он мило им улыбался и часто шутил. Он и ей улыбнулся в ответ. Это слово наверняка ему ровным счетом ничего не говорило. Он привык делить женщин на шикарных и прочих, вряд ли я в его шкале ценностей поднялась особенно высоко. Но временами, когда я с кем-то разговаривала или танцевала, я ловила его взгляд и видела в нем тоску. И еще видела, что он ненавидит меня. Это чувство, должно быть, укрепляло в нем и тайное подозрение, что я его презираю. И именно эта мысль доводила его до бешенства.

Как-то в ресторане он вдруг заявил невпопад:

– Разумеется, если бы в тебе не было чего-нибудь эдакого, Рахманов не стал бы связываться с тобой. У него нюх на баб.

Мне бы уже тогда следовало насторожиться, но я лишь пожала плечами. Иногда желания легко читались в его взгляде, они были незамысловаты, я видела, что больше всего на свете в те минуты ему хотелось швырнуть меня себе под ноги и топтать, стиснув зубы от наслаждения, слыша вопли и стоны. Что еще могло прийти в голову такому придурку? Меня это не особенно пугало, но тогда я не знала, как далеко это все зашло.

Ночью он стискивал зубами тонкую ткань простыни, глухо

рычал, до боли сжимал кулаки и думал: «Черт бы побрал эту шлюху». Несколько раз он хотел подняться и идти ко мне, но его удержала боязнь скандала, до него уже дошло, что отказ с моей стороны не кокетство и не ломанье, и я начну кричать или чего доброго брошусь с балкона, он и этот вариант рассматривал всерьез. А работа есть работа, работа – прежде всего. Но уже когда все кончится… В этом месте он начинал ухмыляться. Каждую ночь по нескольку раз он детально представлял, как рассчитается с дрянью за ее выкрутасы, и это приводило его в такое неистовство, возбуждало такое желание, что он вскакивал с постели и начинал тяжело ходить по комнате, пытаясь успокоиться.

Но при мне он редко выдавал себя, старался меньше смотреть в мою сторону и меньше говорить со мной, и ему это удавалось. Если бы я знала о том, что с ним происходит… Впрочем, если бы даже знала, что бы изменилось? Говорят, судьба и на печи найдет, так что знала я, не знала, какая разница…

Но был в отеле человек, который мне очень нравился: пятилетняя Дашка, которая приехала сюда с мамой и няней. Матери было не до нее, она начинала пить еще с утра, лежа у бассейна, няню охмурял один из официантов, то есть она тоже была очень занята, и Дашка была предоставлена самой себе. Других детей в отеле не наблюдалось, она, естественно, скучала и рада была поболтать с кем угодно. Мы очень быстро подружились. Особенно мне нравилось нырять в бассей-

не, когда Дашка сидела на бортике и громко отсчитывала секунды, проведенные мной под водой. Нырнув, я открывала глаза, вытягивала руки, а вокруг меня был сверкающий голубой мир с жемчужными всполохами. Я подолгу задерживалась под водой, пока Дашка не начинала визжать, а потом плюхалась в бассейн с голубой плиткой. Я сажала ее на спину, она прижималась ко мне всем своим тельцем, вцепившись ручонками в мою шею, и кричала:

– Я плыву на дельфине.

– Вам пора завести ребенка, – заявила Дену Анастасия, понаблюдав за нашей с Дашкой возней в бассейне.

– Мы работаем над этим, – с усмешкой ответил он и так взглянул на нее из-под очков, что она внезапно покраснела.

На четвертый день нашего здесь пребывания Дашка практически не отходила от меня, к большой радости своей мамаши и няньки.

– Не переусердствуй, – заметил Ден за обедом. – Девчонка, конечно, отличное прикрытие, но она может помешать твоей работе.

Я не думала о Дашке как о прикрытии, но в ответ на его слова кивнула и стала проводить с ней меньше времени, хотя сожалела об этом. Он вроде бы остался доволен. На пляж Дашку не отпускали, но и на пляже мы с Деном редко оставались наедине. Он охотно играл в баскетбол, иногда в нарды, подолгу плавал, в общем, особо не досаждал. Море было спокойным, я отплывала подальше от берега, и тело под во-

дой обретало свободу, становилось удивительно послушным, гибким, а мне хотелось опуститься на дно и лежать, раскинув руки, лежать и смотреть вверх, как смотрят в небо. И оттого, что это было невозможно, желание становилось все настойчивее.

В конце концов, в один из вечеров, когда «компания» особенно разгулялась и пошлые шутки казались отвратительными, я осторожно выскользнула с веранды и пошла к морю. Охранник в будке, выкрашенной в белый цвет, у входа на пляж проводил меня любопытным взглядом. Я поспешила отойти подальше. Здесь было тихо, шум из отеля заглушали волны.

Море под вечер вдруг разволновалось, было темно, сюда доходил лишь слабый свет иллюминации, луны в ту ночь не было. Я стащила с себя платье и, замирая от восторга, вошла в воду, а потом упала в подступившую волну, широко раскинув руки. Мне хотелось заплыть далеко, но волна была сильной, меня отбрасывало к берегу. Я здорово выдохлась, да еще наглоталась соленой воды. Темный простор моря стал казаться опасным. Я выбралась на берег, с трудом натянула платье и пошла к отелю вдоль самой кромки воды. «Хорошо, что сегодня такая большая волна, – с усмешкой подумала я, – а то я бы точно утопилась».

И вдруг я споткнулась. Говорят, господь карает за грешные мысли… Я упала, и в это время волна, нахлынув, накрыла мое тело до плеч. Сердце блаженно замерло, я вытянула

руки и стала ждать следующей волны, она пришла и снова отступила, а я лежала, расслабившись и закрыв глаза, вся отдавшись восторгу и сладкому оцепенению.

Думаю, я лежала так довольно долго, пока холод не стал подниматься по ногам к самому сердцу. «Надо идти», – решила я и тут же ощутила чье-то присутствие. Открыла глаза, чуть приподняла голову и увидела ноги Дениса, обутые в элегантные остроносые туфли. «Сейчас ударит», – решила я и зажмурилась. Он стоял неподвижно. Не зная, чего следует ожидать, я торопливо поднялась. Длинное платье из легкого белого шелка предательски липло к телу, я посмотрела в сторону будки и с тоской решила, что отсюда до нее слишком далеко. «Чего он молчит?» – подумала я вдруг и испугалась.

– Где-то туфли свои потеряла… – сказала я и притворно засмеялась, стараясь разрядить обстановку. – Мне нельзя так много пить.

Он быстро оглянулся и шагнул ко мне. Теперь мы стояли почти вплотную друг к другу, и по его лицу было видно, с какой силой им овладевает желание. И я вдруг так испугалась, что не сумела скрыть свой испуг, вскрикнула и отступила на шаг, забыв, что хищник всегда атакует, видя страх жертвы.

Он тоже сделал шаг, и я почувствовала его руки на своем теле. Он сбил меня с ног и навалился сверху, я хотела закричать, но невидящий взгляд Дена парализовал, я ударила его по глазам, он выругался и, запрокинув мне голову, стал целовать. Я задыхалась, мне было больно, я пыталась вывер-

нуться, но он еще сильнее запрокидывал мою голову. «Да он мне шею свернет!» – мелькнула злая мысль. Я готова была уступить, но молчаливое животное желание, переполнявшее Дена, вселяло такой ужас, так отвратительны были его жадные поцелуи, его руки, что я вышла из оцепенения, охватившего меня вначале. Я смогла вывернуться из-под его тела и, собрав силы, ударила его коленом в живот. Он едва не выпустил меня, но тут же схватил за шею, а потом ударил с такой силой в лицо, что я на миг вроде бы лишилась сознания. Шелковое платье, которое он все никак не мог разорвать, доводило его до бешенства. Он рванул подол зубами, по-звериному рыча, потом левой рукой вдавил мою голову в песок, я перевернулась на живот, съежившись, а он снова навалился сверху. Я слышала его дыхание у своего уха, шумное, прерывистое. Я задыхалась и не могла кричать. Все вдруг перемешалось в моей голове, показалось, я снова в темном подвале и это Ник и гогочущие придурки вокруг. И я завыла от отчаяния, от безысходности и собственного бессилия. Он рванул меня за плечо, едва не сломав ключицу, а я, точно спятила, зашептала жалобно:

– Не надо, не надо, не надо…

Биение крови отдавалось в голове оглушительным грохотом, и все вокруг стало зыбким и нереальным, небосвод раскачивался надо мной, и было одно желание – умереть.

И тут в глаза ударил свет фонаря. Я не сразу поняла, что это, но тело Дена вдруг обмякло, и он отпустил меня, а я

увидела, что в нескольких шагах от нас стоит охранник, смущенно покашливая.

– Простите, у вас все в порядке? – спросил он, не рискнув приблизиться, и отвел фонарь в сторону.

– Более чем, – ответил Ден спокойно. – У меня ревнивая жена, надумала утопиться. Припадок закончился, дорогая?

Охранник поспешно удалился, Ден разжал руки, я отползла в сторону и посмотрела на него. Рот перекошен, из нижней губы идет кровь… Он напоминал упыря из фильмов ужаса, он был отвратителен и по-настоящему страшен. Я набросила на плечи платье, ставшее бесполезной тряпкой. Ден поднялся, отряхнулся, глухо пробормотал:

– Черт бы их всех побрал… Идем, – сказал он мне.

– В таком виде? – Зубы стучали, голос звучал странно, то глухо, то слишком высоко.

– Возьми мою рубашку, подождешь возле бассейна, пока я схожу за каким-нибудь платьем.

Мы пошли к отелю. Шли очень медленно, ноги утопали в песке. Один раз я едва не упала, он поддержал меня, и я почувствовала, как дрожит его рука. Прояснения в мозгах все еще не наблюдалось, потому что я вдруг спросила:

– Это правда, что ты выпотрошил одного парня еще живым? Выпотрошил, точно курицу?

– Он здорово меня разозлил, – ответил Ден. – Каких еще страшилок ты успела обо мне наслушаться?

Мы как раз поравнялись с будкой охранника, и отвечать

не пришлось.

Я устроилась в тени кустов возле бассейна и стала ждать Дена. Он вернулся быстро с платьем и туфлями для меня, молча ждал, пока я оденусь, повернувшись ко мне спиной. Оказавшись в номере, мы, не говоря ни слова, разошлись по своим комнатам.

Утром я долго не решалась выйти из спальни. Лежала в постели, и мне казалось, что я очень больна, просто раздавлена болезнью и ни за что не смогу подняться. Я думала о Дене, и мне было страшно. Ночью я ждала, когда он явится, а не дождавшись, испугалась еще больше. С полчаса я лелеяла мечту о бегстве, ублажая себя ею, ни одного мгновения по-настоящему не веря, что всерьез смогу решиться сбежать. «Значит, то, что о нем болтают, правда», – подумала я почти с удовлетворением. Сейчас я поверила бы любым ужасам, если бы кто-то стал мне их рассказывать. Мне казалось, что он способен на самую невероятную жестокость. «Что я против него? – с тоской рассуждала я. И еще подумала: – Безумие – бороться с ними». И, может быть, в глубине души была рада, что бороться с ними – безумие, это ведь от многого избавляло, хотя вряд ли я смогла бы ответить на собственный вопрос даже самой себе. Я знала лишь одно – я боюсь. И Дена и тех, кто стоит за ним. Мне они представлялись то какими-то огромными бестелесными призраками, то мрачными чудовищами. Сила, коварство… Голиафы. Го-

лиафа сразил юноша-пастух, только я не похожа на Давида. Машка права: кишка тонка для геройства.

В комнату без стука вошел Ден. Что-то в его облике изменилось. Я поняла это сразу, лишь только взглянула на него.

– Что случилось? – поспешно спросила я, вглядываясь в его физиономию.

Он улыбнулся. И меня вдруг поразила мысль, что он красив. Безупречно мужественный облик, заставляющий взволнованно биться сердца бесконечного числа женщин. «Еще одна шутка господа», – решила я и едва сдержалась, чтобы не хихикнуть.

– Ты долго валяешься в постели сегодня, – ответил он. – Надеюсь, сможешь собраться за полчаса.

Я торопливо поднялась, он смотрел на меня, но я была уверена, что он меня не видит. Его занимало что-то другое. Он прошелся по комнате энергичной походкой, и мускулы под его легкой рубашкой напряглись, точно перед прыжком.

– Постарайся выглядеть поэффектней, – сказал он. – Я знаю, ты это можешь.

Он улыбнулся, и тут до меня дошло: тот, кого мы ждем, здесь. Оттого и Ден сегодня… Я внимательно посмотрела на него. Неужели он рад? Счастлив? Поэтому у него такое лицо? Взглянув на меня, он вдруг нахмурился.

– Черт бы побрал Рахманова за то, что он подсунул мне свою шлюху. Хороша помощница, ничего не скажешь. Что ты надеешься разглядеть в моей физиономии?

Я решила, что он сейчас разозлится и для начала заедет мне в ухо, но он несказанно удивил. Подошел, потрепал меня по щеке и сказал участливо:

– Я рад, что этот тип наконец-то приехал. Развяжемся с нашим делом и разбежимся. Чем скорее, тем лучше.

То ли от его неожиданного ласкового голоса, то ли от напряжения, которое чувствовалось в нем, я вдруг подумала, что он ищет моей поддержки. А вслед за тем пошли и вовсе глупые мысли. Разве он хотел убивать? Разве кто-нибудь хочет? Я посмотрела в его глаза, светлые, надменные, с затаившейся в глубине зрачка растерянностью, и мне захотелось поверить, что в самом деле так оно и есть. Он почувствовал мой взгляд, но расценил его по-своему – как по-женски беспомощный взгляд. Он был уверен, что может поцеловать меня, и я не оттолкну, и мои губы раскроются навстречу ему, но сейчас он не хотел этого. Он не торопился. Он еще хорошо помнил, как в остервенении рвал зубами шелк платья, когда ему хотелось покорности моего тела и власти над ним. К тому же его ждала работа, а работа всегда важнее баб и прочей дребедени. В общем, он не стал целовать меня, к счастью для нас обоих. Потому что, сделай он это, я бы ударила его: то, что он принял за покорность, было лишь равнодушием.

Пожилой мужчина с красной по причине жары лысиной, которую он то и дело вытирал платком, был консерватором. Рубашки такого покроя давно вышли из моды, как и очки в

роговой оправе. Часам тоже было лет пятнадцать как минимум. Он смотрел вокруг с таким видом, точно пытался отгадать, какого лешего его сюда занесло. Публика вряд ли ему нравилась. Впрочем, первое впечатление часто бывает обманчиво. Глядя на него, я размышляла, на чем можно его зацепить. Вряд ли дядьку интересуют девушки моего возраста. В любом случае он должен проявлять осторожность.

– Что скажешь? – спросил Ден, проследив мой взгляд.

– Он один, уже хорошо, – ответила я, только чтобы что-то сказать. – У него есть какие-нибудь недостатки?

– Судя по досье, он практически ангел, странно, что крылья не выросли.

– Что ж, попробуем его расшевелить.

– Ты уж постарайся, – хмыкнул Ден, глядя на меня с усмешкой.

Такое впечатление, что он просто жаждет моего провала. Впрочем, может, так оно и есть. Наши отношения дружескими никак не назовешь. Однако я бы на его месте особо не радовалась, если уж мы работаем вместе. Мой провал в определенном смысле станет и его провалом тоже.

«Для начала стоит обратить на себя внимание, – мысленно разрабатывала я план операции. – Проще всего это сделать вечером. Приглашу танцевать Диего, танцует он очень неплохо, и я в его объятиях должна смотреться сокрушительно. Если не напугаю старика, то непременно заинтересую. Впрочем, ему нет и шестидесяти, а мужчины к своему

возрасту относятся спокойнее, чем женщины. Решено, вечером показываем класс».

Но жизнь внесла свои коррективы, дав мне повод лишний раз согласиться с известным утверждением, что человек предполагает, а господь располагает. Познакомила нас Дашка. Мы играли с ней в мяч возле бассейна, она стукнула по мячу ногой, он отлетел в сторону и приземлился прямо на голову Литвинову. Сообразив, что произошло, я мысленно чертыхнулась: дядя, скорее всего, сейчас разгневается, и наше предполагаемое знакомство обернется неприятностями. Но Литвинов оказался вполне покладистым человеком – он поднялся, подхватив мяч, и шагнул к Дашке со словами:

– Кто у нас здесь такой замечательный футболист?

– Дядя, я нечаянно, – засмущалась девчушка.

Они принялись болтать, и новый отдыхающий за руку подвел ее ко мне, успев за это время с ней познакомиться.

– У вас очаровательная дочка, – сказал он.

Я улыбнулась и тоже извинилась, а Дашка пояснила:

– Это Юля, а моя мама вон там, – ткнула она пальцем в сторону бара, где ее мать обреталась по обыкновению. – Юля моя подруга, мы с ней здесь познакомились. Она научила меня нырять. А вы нырять умеете?

Через минуту малышка демонстрировала нам свои достижения, а мы ей хлопали.

– Очаровательный ребенок, – сказал он, и я кивнула. – Вы здесь одна отдыхаете?

– Нет, с мужем.

– А дети у вас есть?

– Нет, – помедлив, ответила я. – У мужа на этот счет свои взгляды. Держи мячик, – крикнула я Дашке и тоже полезла в бассейн.

Новый знакомый немного постоял, наблюдая за нами, затем вернулся к своему шезлонгу. Начало было положено, с чем меня не преминул поздравить Ден.

– Гениально, – хихикал он.

– Сказать спасибо следует Дашке.

– Разумеется.

В течение дня мы еще несколько раз заговаривали с Литвиновым, кажется, против моего общества он не возражал. Вечером я обратила внимание, что он ищет меня в толпе взглядом, затем его взгляд переместился на моего мужа, и Ден ему почему-то не понравился, хотя в тот момент он развлекал двух пожилых дам и изо всех сил старался быть «душкой». «Должно быть, у дяди неплохое чутье», – решила я и посоветовала себе быть осторожнее.

На следующий день мы встретились как старые знакомые, Литвинов составил нам с Дашкой компанию во время прогулки, но говорили мы в основном о Дашке, то есть о том, какой она замечательный ребенок. Выяснилось, что у него есть внучка, но видятся они крайне редко, так как сын развелся с ее матерью и та против того, чтобы девочка бывала у них. Я говорила мало, о себе еще меньше, правда, один раз все-

таки разговорилась, когда речь зашла о книгах, рассказала о том, что читала в детстве. Как-то само собой выходило, что все приятные воспоминания у меня касаются детства, а в настоящем времени в моей жизни мало чего хорошего. Должно быть, Литвинов все понял правильно, потому что взгляд его стал сочувствующим, а голос ласковым, он вроде бы желал вселить в меня надежду, мол, все хорошее еще впереди. Черт его знает, может, не я его соблазняла, а он меня.

Вечером третьего дня после того, как народ наконец-то разошелся и веранда опустела, я устроилась в уголке с видом на море и с печалью на челе. Уходя, Литвинов, вне всякого сомнения, обратил на это внимание, потому что вскоре тоже оказался на веранде.

– Прекрасный вид, – кивнул он не совсем уверенно. – Ждете мужа?

– Что? А… нет. Он ушел спать. Неважно себя чувствует. А у меня бессонница.

– А я думал, бессонница это что-то стариковское, – пошутил он.

– Не хотите прогуляться к морю? – спросила я с таким видом, как будто идея только что пришла мне в голову.

– С удовольствием.

И мы отправились на прогулку, которая затянулась на два часа.

Я с удивлением отметила, как легко дается мне ложь. Угрызения совести вроде бы тоже не беспокоили. Я шла ря-

дом и сияла от счастья. На следующий вечер прогулка повторилась. Мы как-то вдруг заговорили о моем муже, и я призналась, что наш брак большая ошибка. Литвинов слушал и кивал. Я ненавязчиво коснулась его руки, и он моей руки более не выпускал, а я опять гадала: кто из нас кого соблазняет? Далее все оказалось совсем просто. Я, мучаясь рядом с нелюбимым мужем, наконец-то обрела родственную душу, а Литвинов вдруг испытал чувства, о которых успел забыть. И мы рухнули в объятия друг друга, воспользовавшись тем, что мой муж уехал на экскурсию. Греху предавались в нашем номере, что Литвинова даже не насторожило. Разумеется, в номере была установлена необходимая аппаратура. Уверена, она была и в номере Литвинова, из чего я заключила, что «трудимся» мы здесь не одни. Впрочем, в наличии у Дена помощников я не сомневалась.

Я не чувствовала ни стыда, ни отвращения, оказавшись с ним в постели. Впрочем, я давно уже мало что чувствовала. Все-таки в какой-то момент мне стало жаль Литвинова. Человек вырвался отдохнуть впервые за два года, решил пожить в свое удовольствие и вот… вот он лежит рядом, а по соседству Гадюка-Ден ждет своего выхода. Человек, от которого зависит его дальнейшая судьба, а может, и жизнь.

Дверь распахнулась, а я невольно вздохнула: значит, все кончилось. Литвинов вздрогнул, резко приподнялся. Мне не надо было вскакивать и вздрагивать, я и так знала, что в дверях стоит Ден. В первую минуту Литвинов растерялся,

как и любой другой на его месте, особенно услышав гневный окрик: «Какого черта вам здесь нужно?» «Забавный вопрос, – мысленно хихикнула я. – Отгадай с трех раз, парень».

Литвинов беспомощно посмотрел на меня, пытаясь найти у меня поддержку, в тайной надежде, что я сама все объясню своему мужу. Но играть в комедию «уличенная жена» я не собиралась, решив, что моя роль на этом закончилась, встала с постели, набросила рубашку и удалилась в ванную, где включила воду на полную мощность.

Мужчины, когда они без штанов, чувствуют себя страшно беззащитными – нагишом гордо не уйдешь, а одеваться под чьим-то взглядом надо уметь, лично у меня на приобретение навыков ушло много времени и нервов. В общем, я не желала знать, что там происходит. Вдруг уставилась в зеркало и вроде бы удивилась: кажется, я тоже большая ошибка природы, неужто такой опытный человек, как Литвинов, не разглядел за моей ангельской внешностью малоприятную особу? Впрочем, он, скорее всего, не знаток женщин.

– Ну, что? – спросила я себя, потерев лицо ладонями. – Еще одно доброе дело? Что я должна сейчас чувствовать? Отвращение к себе, ненависть?

Но я по-прежнему ничего не чувствовала, кроме тоски, словно я вновь маленькая девочка и меня во время праздника наказали: заперли одну в комнате. День тянется бесконечно медленно, а с улицы слышен веселый смех детей.

Несмотря на все усилия, до меня доносились голоса из

спальни (даже вода не спасала) – жесткий приглушенный голос Дена, возбужденный, почти визгливый, Литвинова. «Неужели он не согласится?» – думала я. Мне хотелось войти в спальню и сказать: «Разве вы не понимаете, с кем имеете дело? Вас просто раздавят…» Если бы он согласился, я бы обрадовалась, и не только из-за того, что не пришлось бы лишний раз брать грех на душу. Наверное, так мне было бы легче пережить собственное поражение.

Вдруг все стихло. Потом дверь распахнулась, и в ванную вошел Ден. Физиономия его слегка покраснела, никаких следов победы (впрочем, поражения тоже) не читалось.

– Ничего не вышло, да?

Ден улыбнулся.

– Ты сделала все, как надо. Ты – молодчина.

Я усмехнулась, глядя в пол. Ден вернулся в спальню, на ходу достал мобильный, быстро набрал номер.

– Как дела, приятель? Отлично. Приступайте.

Я сдавила виски пальцами от внезапной боли, закрыла глаза. Когда я вновь открыла их, Ден стоял рядом и внимательно смотрел на меня. То, что он последнее время вел себя сдержанно, пугало не меньше, чем приступы ярости. Причин остерегаться его у меня стало даже больше, я считала его спокойствие притворством.

– Теперь только ждать, – сказал он, усмехнулся и пожал плечами, а я спросила, хотя делать этого не следовало:

– Ты не боишься, что он предпримет меры?

– Мы об этом узнаем, – кивнул он. – В конце концов, он не тайный агент, а обычный дядя пенсионного возраста. Возможно, подергается немного. Но, скорее всего, ничего предпринимать не рискнет. Ну, а если рискнет, что ж… тогда мы его потеряем. Навечно.

У Дена наверняка был план. Возможно, даже не один. Но меня не интересовали его планы, по крайней мере, задавать вопросы я не решилась. За ужином Литвинова не было, но Дена это, похоже, не волновало. К завтраку Литвинов вышел, пытался вести себя, как обычно, но в мою сторону не смотрел, и это выглядело довольно забавно, актером он оказался никудышным. Я ожидала, что он уедет, но еще два дня он оставался в отеле, правда, предпочитал обществу свой номер. Глазастая Анастасия спросила меня:

– Как ваш друг себя чувствует?

Я ответила, что из-за жары у него проблемы с давлением.

Теперь я почти все время проводила с Дашкой, иногда чувствуя, что на меня смотрят. Кто жег мне спину гневным взглядом, Литвинов или Ден, осталось загадкой, и у того и у другого не было повода особо меня жаловать.

В субботу Дашка уезжала. Ее отъезд меня огорчил, я не представляла, что буду делать здесь без своей маленькой подружки. Я вышла к автобусу ее проводить и с удивлением обнаружила, что Литвинов тоже отправляется с ними. Странно, что он предпочел автобус, а не поехал на такси. Впрочем, трансфер до аэропорта бесплатный, а он, возможно, эконом-

ный человек. Автобус отправился, а я еще долго топталась возле входа в отель.

Ден сидел в баре, вытянув ноги, с видом счастливейшего человека.

– Нам не пора сматываться? – спросила я, желая испортить ему настроение. – Что, если к нам уже проявили интерес?

– Уедем на следующей неделе, как и собирались.

О том, что собирались, я услышала впервые.

– На следующей неделе? – переспросила я.

– Именно так, любимая, – довольно хихикнул он и мне подмигнул.

– О'кей, вождь, – кивнула я и пошла купаться.

К вечеру Ден вновь сиял, как новенькая монетка, узнать причину его радости я не спешила. К тому моменту в отеле уже поползли слухи о теракте в городе, однако настолько неясные и бестолковые, что я поначалу не обращала на них внимания. После ужина постояльцы собрались возле телевизора в холле узнать новости. Я отправилась вместе со всеми, хотя не очень-то меня новости интересовали. В мире, если верить статистике, каждую секунду кто-то кого-то убивает. Однако меня ждал весьма неприятный сюрприз: оказывается, взорвался автобус с туристами по дороге в аэропорт. Если у меня еще и были сомнения, то они рассеялись, лишь только я взглянула на Дена. Дамы заохали, мужчины вздыхали. Теракт, другой версии у следствия, кажется, не было.

Ден все рассчитал правильно: в этой части планеты теракты не такая уж редкость, автобус собирал туристов из разных отелей, в какой момент в нем оказалась бомба, установить вряд ли возможно.

– Господи, там же Дашка! – простонала Анастасия.

А я подумала: «Все, хватит». Поднялась и направилась в номер. Ничего, кроме отвращения, я не чувствовала, оно заглушало и боль, и страх. Я ускорила шаги, чтобы поскорее отделаться от него.

Вошла в ванную, умылась, избегая взгляда в зеркало, взяла полотенце, деловито оглядела его и решила, что подойдет. Разорвала его на полосы, оглядывая потолок и стену в поисках чего-то подходящего. И такое нашлось. Взобралась на ванну и, глядя на свои ноги, подумала: «Вот и все. Как же нелепо».

Я лежала в постели поверх одеяла, Ден стоял рядом с растерянной физиономией. Несмотря на ситуацию, мне хотелось рассмеяться, глядя на него.

– Выпей воды, – сказал он.

Я не ответила. Десять минут назад он вынул меня из петли, вдруг появившись в ванной. Если б на двери был замок, он потратил бы время, пытаясь достучаться, а потом ломая его. И я бы сейчас не лежала здесь, разглядывая потолок. Я была бы… черт знает где, но точно не здесь, и мне не пришлось бы видеть его, а главное, решать, что делать дальше.

Забавно, что так много зависит от наличия и отсутствия замка на двери.

Ден хмурился, и его мысли угадать было нетрудно. Вряд ли происшедшее явилось для него полной неожиданностью. Не зря он пошел за мной и, не обнаружив в гостиной, сразу направился в ванную, подсознательно ожидая чего-то в таком роде. И когда толкнул дверь в ванную, уже знал мои намерения.

– Выпей воды, – сказал он еще раз, бросил в стакан две таблетки, поясняя: – Здесь снотворное. Тебе надо уснуть.

В нем чувствовалась странная неловкость, и это удивило. То, что он здорово злился, понятно, и то, что поспешил вынуть меня из петли, тоже: осложнения ему не нужны. Хотя моя смерть вряд ли особо повлияла бы на дальнейшее. Ден из тех, кто готов к любым ситуациям.

Я взяла стакан и покорно выпила, лишь бы отделаться от него. Но он не уходил. Взяв у меня из рук стакан, поставил его на тумбочку и прошелся по комнате. В походке ощущалась нервозность, и чувство растерянности не проходило, что по-прежнему сбивало с толка.

– Что вдруг на тебя нашло? – буркнул он.

Я молчала, он терпеливо ждал, и я наконец ответила, хоть и не видела в том смысла:

– Дашка…

– Вот оно что, – удовлетворенно кивнул он, словно все разом стало для него понятно. – Не стоило тебе к ней при-

вязываться…

Да, именно так: сама по себе ее жизнь не имела никакого значения, просто я допустила непростительную ошибку.

– Слушай, а тебя не смущает, что ты только что убил двадцать восемь человек? – с неизвестно откуда взявшимся любопытством спросила я.

Он как раз шагнул к окну, но повернулся, взглянув с изумлением, и засмеялся. Затем сел в кресло, раздвинув ноги, и, опершись на них руками, с усмешкой спросил:

– Не поздновато задумалась, дорогая? О таких вещах стоило поразмышлять раньше, до того, как ты полезла в это дерьмо.

– Значит, не смущает, – констатировала я.

Его это разозлило.

– Я выполняю работу, за которую мне платят. Вот и все. Это не моя война. Пусть те, кто ее затеял, пекутся о своей душе. И твой припадок совестливости сейчас совсем некстати. Так что советую тебе не валять дурака.

– Один умный человек сказал: покаяться никогда не поздно.

– Это не его распяли благодарные слушатели? Что ж, валяй, кайся. Выйди на площадь, поклонись на четыре стороны и попроси прощения. Как думаешь, за все твои грехи пожизненное тебе уже набежало или нет? Ну, лет-то на пятнадцать ты точно успела наворотить, я прав? У тебя будет время замолить грехи.

– Катись отсюда, – устало сказала я.

– Вот что, милая, – еще больше разозлился Ден. – Твоя попытка почистить совесть гроша ломаного не стоит. Дешевая мелодрама. Кому и что ты хотела доказать? Какой говенный мир вокруг и какая у тебя прекрасная душа? Ах, бедную девочку злые дяди заставили делать плохие вещи, а она пошла и удавилась. Чего ж хорошей девочке мешало держаться подальше от плохих дядей? Поздно, дорогая, поздно.

– Ты прав, – кивнула я. – А теперь катись отсюда.

Я в самом деле считала, что он прав. Прав, как ни противно это сознавать. И, даже отдав свою никчемную жизнь, Дашку я не верну. Он продолжал сидеть в кресле, с ненавистью глядя на меня. И уходить не собирался.

– Вот что я тебе скажу, – продолжил он. – Завтра ты проснешься и начнешь цепляться за свою жизнь. И успеешь еще много чего натворить. Такие, как ты, любят тешить себя мыслями о совести и при этом пакостить ближним. Хочешь знать, как ты кончишь? Старой пьяницей, никому не нужной и самой себе противной. Если тебя, конечно, не пристрелят раньше. Ненавижу таких, как ты, – по слогам произнес он.

– А как ты видишь свое будущее? Выйдешь на пенсию и будешь разводить цветы? Один знакомый придурок всерьез об этом мечтает.

– Неужели? – Ден вдруг рассмеялся, запрокинув голову. – Забавно. Значит, Ник решил разводить цветы на пенсии?

– С чего ты взял, что я говорила о Нике?

– А ты имела в виду кого-то другого?

– Значит, вы знакомы, – констатировала я.

– Более или менее. Но цветы для меня новость. Дорогая, я очень хорошо знаю вашу лавочку, и кто там чего стоит, тоже. И о тебе я знаю все. Больше, чем ты сама о себе знаешь. Шлюха, дрянь, а теперь еще и дура. – Он поднялся и шагнул к двери. – Сладких снов, дорогая.

Я натянула одеяло на голову, надеясь, что таблетки скоро начнут действовать. Хорошую перспективу он нарисовал. А что, он ведь и в этом прав. Начну жить как ни в чем не бывало: слушать Ника, бояться за свою шкуру… И вдруг мне стало смешно. Я даже вслух хихикнула в темноте, еще плохо понимая, что происходит. И тогда поняла. Я больше не боюсь. Ни этого типа за стеной, ни Ника, никого. Ден прав: вряд ли я доживу до старости. Но и это не пугало.

Потом, через много месяцев, я вспомню сегодняшний разговор. И вновь меня поразит, как странно распоряжается нами судьба. Для Дена было бы лучше, оставь он меня висеть в ванной. К сожалению, для меня тоже.

Проснувшись, я опять увидела его. Он спал, сидя в кресле в трех шагах от меня. Должно быть, все-таки подстраховывался, несмотря на свои слова и опасаясь, что моя мелодраматическая выходка может иметь продолжение. Лицо его с приоткрытым ртом казалось очень мирным и чуть глуповатым. «Я могу его сейчас убить», – вдруг подумала я и почув-

ствовала, как вспотели руки и сердце застучало быстрее. Ден проснулся, резко открыл глаза. Несколько секунд мы сидели, впившись взглядом в зрачки друг друга, словно две кошки, которые еще не знают, что делать – пойти рядом, принюхиваясь, или вцепиться в противника. Он нахмурился и спросил неожиданно мягко:

– Как ты?

– Отлично, – ответила я.

– Мы не могли допустить, чтобы его смерть как-то связали… – заговорил Ден и смешался.

Он вел себя странно. Черт знает, что происходило в его голове. Теперь он сидел почти спиной ко мне, и я видела его затылок, и чуть в профиль висок, и ухо, плотно прижатое к черепу. В его облике вновь проступило что-то звериное, мощное, безжалостное. «Он думает обо мне», – решила я. Ден закурил, нахмурился, должно быть, оценивая обстановку. Я точно читала его мысли. Бабам он не доверял и теперь прикидывал, способна ли я поломать ему игру. Он повернулся и успел поймать мой настороженный взгляд.

– Сможешь спуститься вниз? Или сказать, чтобы завтрак принесли сюда?

Каждая лишняя минута, проведенная с ним, представлялась невыносимой. Но когда я оказалась среди людей, ставших уже привычными, вновь услышала разговоры о теракте и бедной Дашеньке, поняла, что долго не выдержу.

– Пойду к морю, немного прогуляюсь, – сказала я.

– Охотно составлю тебе компанию, – усмехнулся Ден. Может быть, решил, что я надумала утопиться? Напрасно. На это нужны силы. У меня их не было.

Мы долго гуляли, изредка перебрасываясь словами. Он усердно изображал заботливого мужа, а мне было так тошно, что его присутствие уже не раздражало, а скорее успокаивало. Он шел совсем рядом, я чувствовала тепло его руки, привычный запах его одеколона и жевательной резинки, от которого не мог избавить даже запах моря.

– Денис, – позвала я.

Он вздрогнул, наверное, от неожиданности – я впервые назвала его по имени. До сих пор как-то обходилась, а теперь вдруг получилось само собой. А еще меня саму поразил мой голос, который звучал как-то странно, с непривычной интонацией. Ден внимательно посмотрел на меня, и теперь я сожалела, что произнесла его имя. Не стоило обращаться к нему, и уж тем более не стоит задавать вопрос, который я собиралась задать. Он вглядывался в мое лицо, точно силился отыскать в нем что-то важное.

– Я слушаю, – не выдержал он.

– Нет, ничего… – покачала я головой.

– Ты хотела что-то спросить?

– Лезут в голову всякие глупости.

– Давай свои глупости, я добрый, – подмигнул он.

– Я как-то спросила Ника, не снятся ли ему покойники.

– И что он ответил?

– Сказал, что человек такая скотина, что привыкает буквально ко всему.

– Узнаю старину Ника, – хихикнул Ден.

– Можно привыкнуть убивать?

– Это твой глупый вопрос? – Он спокойно смотрел на меня, ответил без усмешки: – Ник прав. Можно привыкнуть к чему угодно, кроме одного – собственной смерти, ее мало кто любит. А убивать других – многим даже нравится.

– Тебе?

– Мне? – Он пожал плечами. – Не замечал. Но покойники мне не досаждают. И совесть не мучает, если ты об этом. Если тот свет существует, то отвечать буду не я, а те, кто меня нанимает.

– Откуда тебе знать?

– Придет время, и все выяснится.

– А если Бога нет, то и отвечать не перед кем?

– Ага. Спи спокойно, детка.

– А люди?

– А что люди? Люди великие путаники. Господь сказал – не убий. Не убий, и все. Без всяких оговорок. И что твои люди? Не убивают? Как бы не так. И все норовят придумать своим грязным делам оправдание, упаковать их красиво. Сказать, что они во имя свободы и независимости, к примеру. У меня два ордена, дорогуша. Отгадай, за что я их получил? За то, что убивал. Убивал, потому что Родина послала, хотя те парни не сделали мне ничего плохого. И меня на-

звали героем. И навешали всякой дребедени на грудь. А когда я убил, потому что хотел это сделать, потому что эта сука иного не заслуживала, они дружно заголосили, что я преступник. Двойной стандарт, как любит выражаться наш президент. Так что я послал всех к черту с их двойной моралью. И с тех пор живу распрекрасно. И тебе советую. – Он взял меня за плечо и притянул к себе. – Ты умеешь быть ласковой? – шепнул на ухо.

Я осторожно высвободилась.

– Вряд ли я доставлю тебе удовольствие.

– Как знать. Отчего бы не попробовать?

– Давай возвращаться, – попросила я.

Он пытался меня удержать, но во мне было только равнодушие, и это охладило его пыл. Я пошла впереди, а он крикнул насмешливо:

– Дорогуша, у меня такое чувство, что ты так и будешь идти впереди, торопливо и недосягаемо.

– Поживи немного с мечтой, – засмеялась я и помахала ему рукой. Он не принял шутки, стоял и смотрел мне вслед, презрительно вздернув губу.

Странные то были дни. Теперь мы редко общались с остальными постояльцами отеля, как-то само собой выходило, что мы оказывались вдвоем, и каждый из нас стремился к этому. И разговоры, которые мы вели, тоже были странными. Ненужными уж точно. Ден теперь часто говорил о таких

вещах, которые раньше ему, должно быть, просто в голову не приходили. А может быть, и нет: может быть, он всегда о них думал, но не в словах – чувствовал, что ли, а не думал, – а теперь облек свои мысли в слова, которые презирал. Он рассказывал мне о своей жизни, и я кожей чувствовала его потребность говорить, хотя было заметно, что вообще-то он и считал подобные разговоры чепухой, пустой тратой времени. А я внимательно слушала. Меня мучило странное любопытство, хотелось понять, как и почему люди становятся такими, как Ден, ведь проще всего решить, что родился сволочью, оттого и стал ей. А как же быть со мной? Или я тоже родилась сволочью, и мои первые семнадцать лет жизни не более чем притворство? Нет, тут что-то не так. Смогу я привыкнуть, как он, а главное: хочу ли я этого?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.